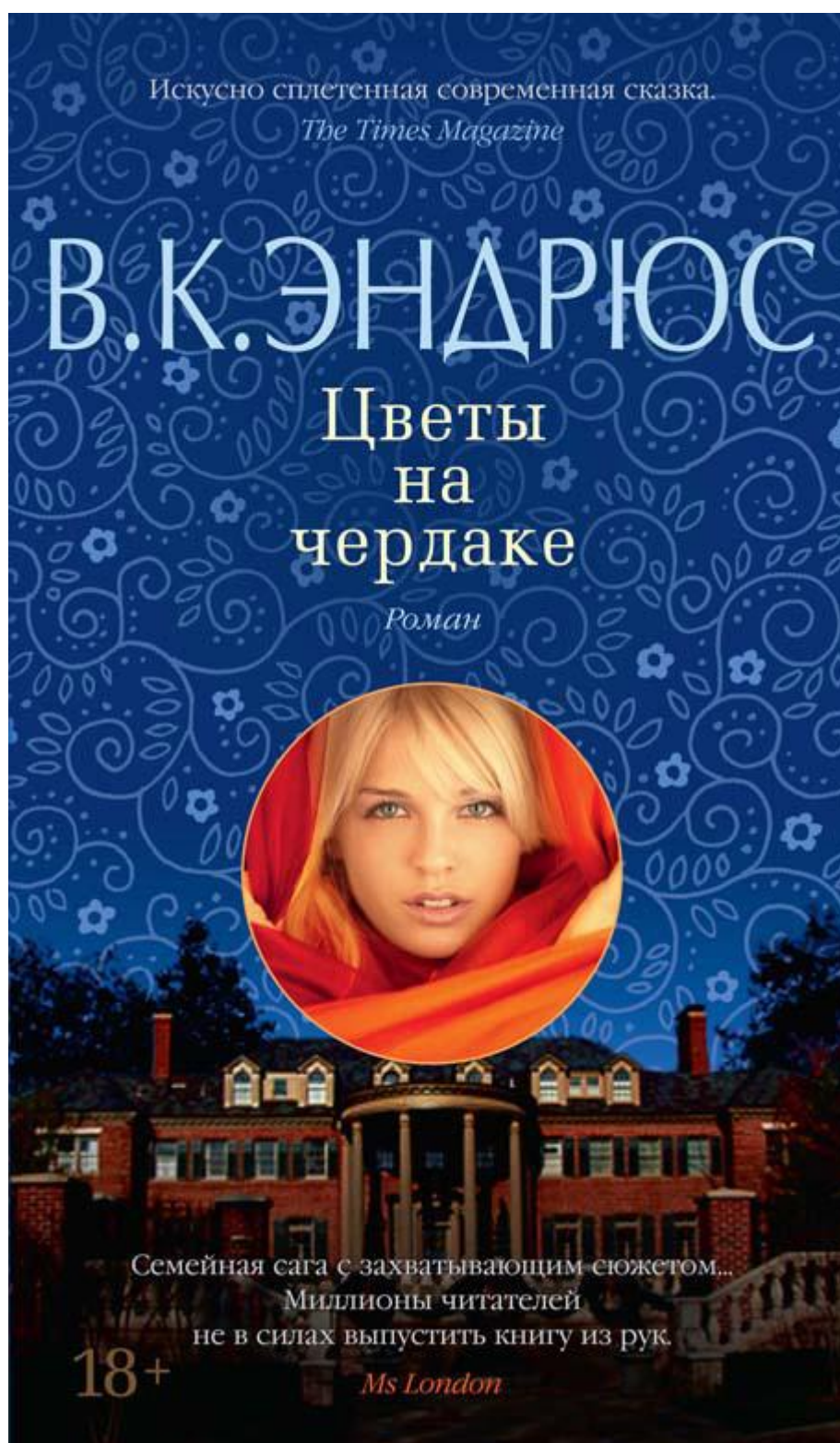

Вирджиния Клео Эндрюс
Цветы на чердаке

Доллангенджеры – 1

Издательский текст http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131746&lfrom=159481197
«Цветы на чердаке»: Вече; СПб.; 2015
ISBN 978-5-389-09747-6

Аннотация

Эта книга покорила весь мир и принесла ее автору, американской писательнице В. К. Эндрюс, заслуженную любовь миллионов поклонников. Роман «Цветы на чердаке», основанный на реальных событиях, сразу стал бестселлером и был дважды экранизирован (в 1987 и 2014 гг.). За ним последовали другие книги захватывающей саги о семействе Доллангенджер: «Лепестки на ветру», «Сквозь тернии», «Семена прошлого», «Сад теней».

Жила-была счастливая семья: отец, мать и четверо прелестных белокурых детей. Но внезапно отец гибнет в автокатастрофе. Спасая себя и детей от нищеты, Коринна Доллангенджер возвращается к своим родителям, невероятно богатым, но суровым и жестоким людям, много лет назад изгнавшим ее из дома. Ей предстоит снова завоевать расположение своего отца, чтобы унаследовать его состояние. Но вот проблема: он не должен узнать, что у нее есть дети. И любящая мать прячет своих ангелочков на верхнем этаже огромного родительского дома, где в их распоряжении всего одна комната с выходом на чердак. Коринна уверяет детей, что это совсем ненадолго. Однако проходят дни, месяцы, мучительно медленно тянется время, и наконец дети начинают понимать, что этот тесный, ограниченный мирок может стать единственным, что они увидят в своей жизни...

В. К. Эндрюс Цветы на чердаке

© А. Смутьский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Эта книга посвящается моей маме

Часть первая

Скажет ли глина горшечнику: «что ты делаешь?»

Исаия, 45: 9

Пролог

Надежда, наверное, должна быть желтого цвета – цвета солнца, которое мы так редко видели. Сейчас, когда я восстанавливаю нашу историю по старым дневникам, название словно напрашивается само собой: «Открой окно навстречу солнцу». И все же я не стала бы давать книге такое название. Гораздо в большей степени наша судьба подсказывает образ

цветов на чердаке. Бумажных цветов. Рожденных такими яркими и тускнеющих на протяжении той бесконечной череды мрачных, серых, кошмарных дней, что мы провели в плену у жадности – узниками надежды. Но мы никогда не делали своих бумажных цветов желтыми.

Чарльз Диккенс часто начинал роман с рождения главного героя, и, поскольку он был нашим с Крисом любимым писателем, я хотела бы повторить его манеру, если бы смогла. Но он был гением, писавшим с врожденной легкостью, а мне каждое слово, появляющееся на бумаге, доставалось горькими слезами, кровью, желчью, смешанными с чувством вины и позора. Я думала, что мне никогда не будет больно, что стыд – бремя, которое суждено нести другим людям. Но прошли годы, и сейчас, став старше и мудрее, я принимаю его.

Невообразимая ярость, когда-то бушевавшая во мне, поутихла, так что, надеюсь, я смогу писать, примешивая к правде меньше ненависти и пристрастия, чем это было бы несколько лет назад.

Итак, подобно Чарльзу Диккенсу, в этом, с позволения сказать, художественном произведении я скроюсь за вымышленным именем и буду жить в несуществующих местах, моля Бога, чтобы эта книга причинила боль кому следует. Надеюсь, Бог в своей бесконечной милости позаботится о том, чтобы понимающий издатель собрал мои слова под одной обложкой и помог заострить тот нож, который я собираюсь использовать для мести.

До свидания, папа!

Когда я была очень маленькой, в пятидесятых, я верила, что жизнь похожа на длинный-длинный солнечный летний день. В конце концов, именно так она начиналась. Пожалуй, я не много могу сказать о своем раннем детстве, но это немногое было светлым и чистым, за что я буду вечно благодарить Всевышнего.

Мы не были ни богатыми, ни бедными. У нас было все необходимое. Наверное, имелись и предметы роскоши, но это можно было определить только по сравнению с другими, а в нашем районе среднего класса все жили более или менее одинаково. Короче и проще говоря, мы росли обыкновенными, «среднестатистическими» детьми.

Наш папа отвечал за связи с общественностью в большой фирме, производившей компьютеры и находившейся в Гладстоне, Пенсильвания, городке с населением 12 602 человека.

Судя по всему, отцу сопутствовал огромный успех, потому что его босс часто обедал с нами и рассказывал о работе, с которой папа так хорошо справлялся: «С твоим типично американским лицом, пышущим здоровьем и невероятно приятным, было бы удивительно, если бы хоть один разумный человек мог противостоять тебе, Крис!»

Я всем сердцем соглашалась с ним. Наш отец был само совершенство. Ростом шесть футов два дюйма, весом сто восемьдесят фунтов, с густыми льняными волосами, чуть-чуть волнистыми, как раз настолько, чтобы дополнить и не испортить его идеальный облик. В его лазурно-голубых глазах светилась любовь к жизни и ее радостям. Его прямой нос не был ни слишком толстым, ни слишком узким. Папа играл в теннис и гольф как профессионал и плавал так много, что круглый год ходил загорелым. Он постоянно уносился по делам то в Калифорнию, то во Флориду, то в Аризону, то на Гавайи или даже за границу, а мы оставались дома, на руках у мамы.

Когда он входил через парадную дверь вечером в пятницу – каждую пятницу, потому что, по его словам, он не мог переносить разлуки с нами дольше пяти дней, – его широкая, счастливая улыбка освещала все вокруг, как маленькое солнце, даже если на улице шел дождь или снег. По всему дому разносился его громоподобный голос, едва он успевал поставить на пол чемоданы: «А ну-ка, идите поцелуйте меня, если вы меня еще любите!»

Мы с братом обычно прятались где-нибудь у входа, и стоило ему произнести эти слова, как мы устремлялись к нему из-за спинки кресла или дивана и бросались в его широко распростертые объятия. Он хватал нас, прижимал к себе и осыпал поцелуями. Пятница...

Для нас это был лучший день недели, потому что в этот день к нам возвращался папа. В карманах костюма он приносил для нас подарки поменьше, а в чемоданах находились большие, которые появлялись позже, когда наступала очередь мамы. Она терпеливо ждала, пока отец закончит с нами, и затем медленно направлялась к нему, приветственно улыбаясь. Радостные огоньки загорались в папиных глазах, и, обняв ее, он долго смотрел ей в лицо, как будто они не виделись по крайней мере год.

По пятницам мама проводила первую половину дня в салоне красоты, где ей обрабатывали и укладывали волосы и делали маникюр, а потом долго принимала ванну с ароматическими маслами. Я забиралась в ее комнату и ждала, пока она появится в облегающем negligé. Потом она обычно садилась перед трюмо и тщательно наносила косметику. Стремясь научиться, я вбирала в себя все, что она делала, превращаясь из просто хорошенькой женщины в восхитительно красивое создание, казавшееся почти нереальным. Самым удивительным во всем этом было то, что отец искренне верил, будто она вообще не пользуется косметикой. Он считал, что такая поразительная красота дана ей от природы.

Слово «любовь» постоянно произносилось у нас дома.

– Ты любишь меня? Потому что я люблю тебя. Ты скучала по мне? Ты рада, что я дома? Ты думала обо мне, когда меня не было?

– Каждую ночь.

– Если ты не скажешь, что ворочалась с боку на бок, мечтая, чтобы я был рядом, прижимал тебя к себе, мне, пожалуй, остается только умереть.

Мама прекрасно знала, как отвечать на такие вопросы, – взглядом, еле слышным шепотом и поцелуями.

Однажды мы с Кристофером ворвались в дом через парадную дверь вместе с холодным зимним ветром.

– Снимите обувь в передней, – крикнула из гостиной мама. Она сидела перед камином и вязала маленький белый свитер, по размеру подходящий для куклы.

Я тут же решила, что это подарок на Рождество, предназначенный для одной из моих кукол.

– И снимите домашние шлепанцы, когда зайдете сюда, – добавила она.

Мы оставили ботинки, теплые пальто и капюшоны сушиться в передней и побежали в одних носках в гостиную, на роскошный белый ковер. Комната была выдержана в приглушенных пастельных тонах, чтобы оттенить яркую красоту мамы. Нас редко пускали сюда. Гостиная предназначалась для семейных вечеринок, для мамы, и мы никогда не чувствовали себя уютно на абрикосовом с позолотой диване или бархатных креслах. Мы предпочитали папину комнату со стенами, украшенными темными панелями, и жестким диваном, где мы любили кувыркаться и бороться, не боясь ничего повредить.

– На улице такой мороз, мама, – выпалила я одним духом и плюхнулась к ее ногам, протягивая свои ноги к огню. – Но ехать домой на велосипедах было просто чудесно. На всех деревьях сосульки блестят, как алмазы, а на кустах как будто хрустальные призмы. Все превратилось в какую-то сказку. Я ни за что не соглашусь жить на юге, где никогда не идет снег.

Кристофер не распространялся о погоде и красотах зимней природы. Он был старше меня на два года и пять месяцев и, как я теперь понимаю, намного проницательнее и умнее.

Он сидел в той же позе, что и я, протянув ноги к огню, но лицо его было обращено к маме, а брови обеспокоенно сошлись на переносице. Я тоже взглянула на нее, пытаюсь определить, что так взволновало моего брата. Мама быстро и умело вязала, время от времени заглядывая в инструкцию.

– Мама, ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он.

– Да, конечно, – ответила она, ласково улыбаясь.

– Мне кажется, ты выглядишь усталой.

Она отложила вязание.

– Сегодня я была у доктора, – сказала она, наклоняясь, чтобы потрепать Кристофера по холодной розовой щеке.

– Мама! – воскликнул он встревоженно. – Ты что, больна?

Она слегка усмехнулась и провела тонкими длинными пальцами по его взъерошенным льняным кудрям.

– Кристофер Доллангенджер, я полагаю, ты догадываешься. Я видела, как ты смотришь на меня и в голове у тебя явно шевелятся какие-то подозрения.

Она поймала за руки сначала его, потом меня и прижала наши руки к своему животу.

– Вы чувствуете что-нибудь? – поинтересовалась она с тем же выражением тайного удовлетворения на лице.

Кристофер быстро отдернул руку и залился краской, но я оставила свою на месте, ожидая объяснения.

– А ты что чувствуешь, Кэти?

Моя рука ощущала, что внутри мамы происходит что-то странное, как будто слабые, едва слышные удары сотрясают ее тело. Я подняла голову и уставилась на нее. До сих пор помню, как она тогда выглядела. Как Мадонна Рафаэля.

– Наверное, обед перемещается с места на место или газы скопились.

Ее голубые глаза заискрились смехом.

– Попробуй угадать еще раз.

Теперь в ее голосе появились нотки серьезности, и она призналась:

– Дорогие мои, у меня будет ребенок в начале мая. Вообще-то, когда я сегодня была у доктора, он сказал, что слышал биение двух сердец. А это значит, что у меня будут близнецы или тройняшки. Ваш отец, даже он еще не знает об этом. Поэтому постарайтесь не говорить ему, пока у меня самой не появится удобный случай.

Ошеломленная, я взглянула на Кристофера, чтобы выяснить, как он воспринял сказанное. Он казался смущенным и расстроенным. Я снова посмотрела на освещенное языками пламени лицо мамы и, не помня себя, бросилась в свою комнату, упала вниз лицом на кровать и горько, навзрыд, заплакала.

Дети! Двое или больше! Я сама чувствовала себя маленьким ребенком. Я и слышать ничего не хотела о каких-то новых, вечно визжащих и плачущих детях, которые появятся, чтобы занять мое место. Я всхлипывала и била кулаками по подушке, стремясь причинить вред чему-то или кому-то. Потом я села на кровати и стала думать о побеге из дома.

Кто-то тихо постучал в мою дверь.

– Кэти, – сказала мама, – можно мне войти? Я хотела бы поговорить с тобой обо всем этом.

– Уходи! – завопила я. – Я уже ненавижу твоих младенцев!

Да, я знала, что ожидает меня: участь ребенка, затертого где-то между младшими и старшими и напрочь позабытого родителями. Не будет больше подарков по пятницам. Папа будет думать о маме, о Кристофере и об этих отвратительных близнецах, на которых сосредоточится все внимание.

Мой отец зашел ко мне в тот вечер, как только приехал домой. Дверь была не заперта: я предполагала, что он захочет меня видеть. Я украдкой взглянула на него, потому что очень его любила. У него был расстроенный вид, и он принес с собой большую коробку, завернутую в серебряную фольгу и перевязанную красным атласным бантом.

– Как поживаешь, моя Кэти? – мягко спросил он, пока я продолжала поглядывать на него из-под руки. – Ты не выбежала встречать меня, когда я пришел. Ты не сказала мне «привет!». Ты даже не посмотрела на меня. Кэти, я очень обиделся, что ты не дала мне себя обнять и не поцеловала меня.

Я ничего не сказала, лишь перевернулась на спину и зло посмотрела на него. Как будто он не знал, что я должна оставаться его любимицей всю оставшуюся жизнь! Зачем им с мамой надо было заказывать каких-то новых детей? Разве двоих недостаточно? Папа

вздохнул, потом подошел и уселся на краю кровати.

– Знаешь что? Сегодня ты первый раз в жизни смотришь на меня таким взглядом. Это первая пятница, когда ты не бежишь стремглав, чтобы броситься ко мне в объятия. Можешь мне не верить, но я действительно возвращаюсь к жизни только тогда, когда прихожу домой перед выходными.

Я не сдавалась и еще больше надула губы. Отныне я ему не нужна. У него есть сын да теперь еще и целая куча писклявых младенцев на руках. Я наверняка потеряюсь среди этой толпы.

– Знаешь что еще? – произнес он медленно, глядя мне прямо в глаза. – Раньше я верил, может быть наивно, что, если бы однажды я явился домой в пятницу без всяких подарков для тебя или твоего брата... я верил, что вы все равно броситесь мне навстречу. Я верил, что вы любите меня, а не подарки. Я ошибочно считал, что я хороший отец, что мне удалось завоевать вашу любовь и что вы знаете: для вас всегда останется много-много места в моем сердце, даже если у нас с мамой будет дюжина детей.

Он сделал паузу, вздохнул и нахмурился:

– Я думал, моя Кэти знает об этом и догадывается, что она значит для меня. Ведь ты у нас первая девочка.

Я бросила на него обиженный, недовольный взгляд и произнесла, запинаясь:

– Но если у мамы родится еще девочка, ты будешь говорить все это ей, а не мне!

– Неужели?

– Да, да! – зарыдала я, готовая кричать от переполнявшей меня ревности. – Ты будешь любить ее больше, потому что она будет маленькая и хорошенькая.

– Наверное, я буду любить ее так же, как и тебя, но не больше.

Он протянул ко мне руки, и я больше не могла сопротивляться. Он обнял меня, и я прижалась к нему так сильно, как могла.

– Тсс, тише, – успокаивал он меня. – Не плачь, не надо так ревновать. Мы ни в коем случае не будем любить тебя меньше. И, кроме того, Кэти, настоящие дети гораздо интереснее кукол. У твоей мамы будет столько забот с ними, что она собирается просить тебя помочь ей. Когда я буду вдали от дома, я буду лучше себя чувствовать, зная, что моя маленькая дочка помогает всем нам жить легче.

Он поцеловал мою залитую слезами щеку.

– Теперь открой эту коробку и скажи мне, что ты думаешь о ее содержимом.

Перед тем как развернуть подарок, я покрыла его лицо дюжиной поцелуев и обняла его с медвежьей силой, чтобы возместить свои недовольные взгляды. В красивой коробке находилась музыкальная шкатулка, сделанная в Англии. Когда играла музыка, балерина, одетая в розовое, поворачивалась перед зеркалом.

– Это шкатулка для хранения драгоценностей, – объяснил отец, надевая на мой палец изящное золотое колечко с красным камнем, который он назвал гранатом. – Как только я увидел шкатулку, я понял, что к ней должно прилагаться это кольцо. И сейчас я дарю его тебе и клянусь, что всегда буду любить мою Кэти чуть-чуть сильнее других дочерей, пока она об этом никому не скажет. Не плачь больше, Кэти, ведь твой отец всегда говорил, что для всего есть свои причины и у всякой проблемы есть решение, и теперь я стараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы улучшить наше положение.

В тот солнечный майский вторник папа был дома. Он уже две недели слонялся по дому, ожидая появления этих детей. Мама была раздражительной, плохо себя чувствовала, и в нашей кухне хозяйничала миссис Берта Симпсон, она готовила еду, глядя на меня и Кристофера с притворной улыбкой. Она была нашей самой надежной нянькой. Миссис Симпсон жила по соседству, и она всегда говорила, что мама и папа больше похожи на брата и сестру, чем на мужа и жену. Она была из тех суровых ворчливых людей, которые редко говорят о других что-то хорошее. К тому же она готовила капусту. Я ненавидела капусту.

Перед обедом отец вбежал в столовую, чтобы сообщить нам с братом, что он

собирается отвезти маму в больницу.

– Вы только не волнуйтесь, все будет в порядке. Слушайтесь миссис Симпсон, делайте уроки, и через несколько часов вы узнаете, кто у вас появился: братики, сестрички или и то и другое.

Он вернулся лишь на следующее утро, небритый, усталый, в помятом костюме, но со счастливой улыбкой на лице.

– Угадайте, мальчишки или девчонки?

– Мальчишки, – выпалил Кристофер, давно мечтавший о товарищах для спорта и игр.

Я тоже хотела, чтобы родились мальчики. Тогда, может быть, внимание отца не переместится с меня на младшую дочь.

– Мальчик и девочка! – с гордостью проговорил отец. – Самые хорошенькие малышки, какие только существовали когда-нибудь на свете. Одевайтесь, и я отведу вас, сами убедитесь.

Я неохотно отправилась с ним, но и в больнице с нежеланием позволила ему поднять себя на руки, чтобы я смогла заглянуть в окно палаты и увидеть двух младенцев, которых держала на руках медсестра. Они были такими крошечными! Их головы были не больше яблока. Маленькие кулачки молотили воздух. Один визжал, как будто его кололи булавками.

– Ах, – вздохнул папа, прижимая меня к себе и целуя в щеку. – Господь так добр ко мне! Он наградил меня еще одним сынком и дочерью, такими же чудесными, как и первые.

Я думала, что возненавижу их обоих, особенно крикливую девочку, которую родители назвали Кэрри: она вопила и плакала гораздо громче тихого малыша по имени Кори. Ведь как следует выспаться ночью стало практически невозможно – они находились в соседней со мной комнате. И все же, когда они начали расти и на их лицах стали появляться улыбки, а глаза стали радостно зажигаться при виде меня, особенно если я брала их на руки, теплое материнское чувство заменило во мне неприязнь.

Первым делом после школы я бежала к ним, чтобы увидеть их, поиграть с ними, сменить им пеленки и бутылочки с детским питанием и подержать их у себя на плече. Они были намного интереснее кукол.

Вскоре я убедилась, что в родительском сердце действительно может найтись место больше чем для двоих детей, так же как в моем сердце нашлось место для близнецов, даже для Кэрри, которая становилась не менее красивой, чем я, а может быть, и более. Папа шутил, что они растут быстро, как сорняки, хотя мама иногда и поглядывала на них с тревогой, замечая, что все же они растут медленнее нас с Кристофером. Ее врач, с которым она консультировалась, объяснил, что близнецы и впрямь зачастую растут не так интенсивно, как обыкновенные дети.

– Вот видишь, – сказал Кристофер, – врачи все знают.

Папа поднял глаза от газеты и улыбнулся:

– Узнаю своего сына-доктора. К сожалению, Крис, на самом деле всего не знает ни один человек.

Папа единственный называл моего старшего брата Крисом.

Наша фамилия казалась мне смешной, а научиться правильно писать ее было чертовски трудно. Доллангенджер. Из-за того что у всех членов семьи были светлые льняные волосы и светлая кожа лица (кроме папы с его постоянным загаром), Джим Джонстон, наш лучший друг, придумал для нас прозвище «дрезденские куколки». Он считал, что мы выглядим в точности как фарфоровые фигурки, украшающие всевозможные полки и каминны. Вскоре так нас называли все, кто жил по соседству.

Конечно, сказать «дрезденские куколки» намного легче, чем «семейство Доллангенджер».

Когда близнецам исполнилось по четыре года, Кристоферу – четырнадцать, а мне – двенадцать, мы стали с нетерпением ожидать наступления совершенно особенной пятницы –

тридцать шестого дня рождения папы. Мы загодя готовили для него сюрприз. Мама выглядела как сказочная принцесса с ее свежесмытыми и уложенными волосами. Ее ногти сверкали жемчужным блеском, длинное вечернее платье было нежнейшего цвета морской волны, и когда мама скользила взад и вперед, накрывая праздничный стол, на ее шее покачивалась нитка жемчуга. Подарки были сложены грудой на буфете. Вечеринка планировалась скромная, для семьи и узкого круга друзей.

– Кэти, – обратилась ко мне мама, – не могла бы ты снова искупать близнецов? Я мыла их перед сном, но они, когда встали, сразу же побежали в песочницу, и теперь им снова нужна ванна.

Я не возражала. Мама выглядела слишком нарядной, чтобы заниматься мытьем двух вывозившихся в грязи четырехлеток, которые будут постоянно плескаться на нее водой.

– Когда закончишь с ними, вы с Кристофером тоже вымойтесь. Ты, Кэти, не забудь надеть свое чудесное розовое платье и завиться. И, Кристофер, пожалуйста, никаких джинсов. Я хочу, чтобы ты надел парадную рубашку с галстуком и голубой спортивный пиджак с кремовыми брюками.

– А, черт возьми, мама, я ненавижу все эти наряды, – заныл он, стаскивая кроссовки и недовольно хмурясь.

– Делай, что я говорю, Кристофер, ради отца. Ты знаешь, как много он для тебя делает, так что постарайся, чтобы он сегодня гордился сыном.

Крис, все еще недовольно ворча, удалился, а я побежала на задний двор за близнецами, которые немедленно начали вопить.

– Мы сегодня уже мылись! Этого вполне достаточно! – визжала Кэрри. – Мы уже чистые! Прекрати! Мы не любим мыло! Мы не любим мыть голову! Не смей снова делать это с нами, Кэти, или мы все расскажем маме!

– Ха! – сказала я. – А кто, по-вашему, прислал меня за вами, маленькие паршивцы? Как вы могли так испачкаться, я просто представить себе не могу!

Как только теплая вода коснулась их кожи, а на поверхности закачались их резиновые утки и пароходы и они смогли обрызгать меня с ног до головы, близнецы успокоились и позволили вымыть себя мылом и шампунем и одеть в их лучшие праздничные костюмы. В конце концов, они собирались на вечеринку, была пятница, папа должен был приехать домой, и ради этого можно было немного пострадать.

Сначала я одела Кори в чудесный костюмчик с шортами. Как ни странно, он всегда выглядел чище своей сестры-близняшки. Мне никак не удавалось причесать его единственный упрямый вихор. Он всегда торчал вправо, как хвостик у хорошенького поросенка, и, представьте себе, Кэрри очень хотела, чтобы у нее был такой же.

Когда я одела обоих и они стали похожи на оживших кукол, я передала их Кристоферу, строго-настроено наказав не спускать с малышей глаз. Теперь была моя очередь одеваться.

Близнецы скулили и жаловались, пока я второпях принимала ванну, мыла голову и накручивала волосы на толстые бигуди. Изредка я выглядывала из ванной наружу и видела, как Кристофер отчаянно пытается развлечь их чтением «Матушки Гусыни».

– Ух ты! – сказал Кристофер, когда я появилась перед ним в розовом платье с пышными рукавами. – Ты выглядишь совсем не так плохо.

– Совсем не так плохо? И это все, что ты можешь мне сказать?

– Да, для моей сестры. – Он взглянул на часы, захлопнул крышку, взял близнецов за руки и воскликнул: – Папа будет здесь в любую минуту. Поторапливайся, Кэти!

Назначенное время – пять часов – давно минуло, и, хотя мы ждали уже достаточно долго, папин зеленый «кадиллак» все не появлялся на извилистой дорожке, ведущей к дому. Приглашенные гости старались поддерживать непринужденный разговор. Мама, не вытерпев, встала и принялась мерить шагами комнату. Обычно папа открывал входную дверь в четыре часа, а иногда и раньше.

Семь часов. Мы все ждали и ждали. Восхитительный ужин, приготовленный мамой,

начал подгорать от постоянного нахождения в духовке на медленном огне. В семь часов мы обыкновенно отправляли близнецов спать, и сейчас они все больше капризничали, сонные и проголодавшиеся одновременно, каждую секунду требуя ответа на вопрос, когда приедет папа.

Их белые костюмчики уже не выглядели такими девственно-чистыми. Завитые волнистыми локонами волосы Кэрри постепенно растрепались и выглядели так, будто она долго стояла на ветру. У Кори потек нос, и он постоянно вытирал его тыльной стороной ладони, пока я не заметила этого и не вытерла его верхнюю губу салфеткой.

– Ну, Коррина, – пошутил Джим Джонстон, – похоже, Крис нашел кого-то на стороне. Его жена неодобрительно посмотрела на него, услышав эту неуместную шутку.

У меня заурчало в животе, и я почувствовала, как мне передается волнение мамы. Она продолжала ходить взад и вперед, время от времени подходя к широкому окну гостиной и глядя на дорогу.

– О, – воскликнула я, заметив, как по аллее к нашему дому приближается машина, – может быть, это наконец папа!

Но машина, подъехавшая к нашему дому, была белая, а не зеленая. На ее крыше мы заметили сигнальную сирену, а на двери была надпись: «Полиция штата».

Мама издала сдавленный крик, когда двое полицейских в синей униформе подошли к нашей парадной двери и позвонили в звонок. Она застыла как вкопанная, схватившись рукой за горло и уставившись перед собой ничего не видящим взглядом. Глядя на нее, я ощутила, как меня охватывает непреодолимый ужас.

Джим Джонстон взял дело в свои руки и открыл дверь, пропуская внутрь двоих полицейских, которые, безошибочно определив, что в доме отмечают чей-то день рождения, почувствовали себя неудобно. Вид праздничного стола, подарков на буфете и свисающих с потолка воздушных шаров явно привел их в замешательство.

– Миссис Кристофер Гарленд Доллангенджер? – спросил старший из двух офицеров, переводя взгляд с одной из присутствующих женщин на другую.

Мама с явным усилием еле заметно кивнула. Мы с Кристофером подошли к ней ближе. Близнецы возились на полу с игрушечными машинками, и было заметно, что их нисколько не заинтересовало неожиданное прибытие полиции.

Один из служителей порядка, тот, что с добрым лицом, сделал шаг к маме, покраснев до корней волос.

– Миссис Доллангенджер, – начал он так монотонно, что я еще больше перепугалась, – нам очень жаль, но на шоссе Гринфилд-хайвей произошла авария.

– О... – тяжело вздохнула мама, протягивая руки ко мне и к Кристоферу.

Я чувствовала, как она дрожит, и эта дрожь передалась мне. Не отрываясь, я смотрела на медные пуговицы на кителе полицейского и больше ничего вокруг себя не видела.

– К сожалению, ваш муж попал в эту аварию, миссис Доллангенджер.

Мама еще раз судорожно вздохнула, зашаталась и упала бы, если бы мы с Крисом не поддержали ее.

– Мы уже произвели допрос водителей – участников происшествия, и, насколько нам известно, ваш муж был не виноват, миссис Доллангенджер, – продолжал вещать монотонный голос. – В соответствии с показаниями свидетелей водитель голубого «форда», ехавшего навстречу, постоянно заезжал за пределы разграничительной линии и, видимо, был в состоянии опьянения. Он лоб в лоб врезался в машину вашего мужа. У нас создалось впечатление, что ваш муж пытался предотвратить несчастный случай, поскольку он маневрировал, чтобы избежать лобового столкновения, но из другого автомобиля или грузовика выпала деталь, что помешало ему завершить защитный маневр, который спас бы ему жизнь. Итак, машина вашего мужа, которая была намного тяжелее, перевернулась несколько раз, но даже в этих обстоятельствах у него был бы шанс выжить, если бы следующий за ним грузовик не ударил в его машину сзади. «Кадиллак» снова перевернулся и загорелся.

Я никогда не видела, чтобы в наполненной людьми комнате так быстро воцарилась тишина. Даже близнецы оторвались от игры и уставились на полицейских.

– Мой муж... – прошептала мама таким слабым голосом, что ее было едва слышно. – Но он... он... не погиб?

– Мэм, – ответил траурным голосом краснолицый полицейский, – мне причиняет ужасную боль то, что я вынужден приносить такие новости во время семейного торжества. – Он ступал и неловко огляделся вокруг. – Мне очень жаль, мэм... все делали все возможное, чтобы достать его из машины, но, мэм, судя по тому, что сказал доктор, смерть наступила мгновенно.

Кто-то из сидящих на диване вскрикнул. Мама не издала ни звука. Она продолжала бессмысленно смотреть перед собой. Отчаяние мгновенно смыло все краски с ее лица, и теперь оно напоминало маску смерти. Я пристально смотрела на нее, пытаюсь взглядом сказать ей, что это не может быть правдой. Только не папа! Только не мой папа! Он не мог умереть! Не мог! Умирают старые, больные люди, но не тот, кто так нужен и так любим всеми.

Но лицо мамы внезапно посерело, взгляд потух, руки задвигались, словно выжимая невидимую скатерть, и с каждой секундой ее глаза все глубже проваливались в глазницы.

Я заплакала.

– Простите, мэм, но мы хотели бы передать вам кое-какие из его вещей, которые выпали из машины после первого удара. Мы сохранили все, что могли.

– Уходите! – закричала я на офицера. – Убирайтесь отсюда! Это не мой папа! Я знаю, что это не он! Он просто остановился, чтобы купить нам мороженого. Он может приехать в любую минуту! Уходите!

Я подбежала к одному из офицеров и стала бить его кулаком в грудь. Он попытался оттолкнуть меня. Кристофер сзади начал оттащить меня в сторону.

– Пожалуйста, – сказал полицейский, – кто-нибудь, подержите ребенка.

Мама обхватила меня руками за плечи и прижала к себе. Люди растерянно бормотали что-то, а с кухни доносился запах подгоревшей еды. Я ждала, чтобы кто-то подошел ко мне и сказал, что Бог никогда не забирает к себе таких людей, как мой отец. Но никто этого не сделал. Только Крис подошел и обнял меня за талию, так что мы стояли втроем: мама, Кристофер и я.

Наконец мой брат отважился заговорить и странным, сиплым голосом произнес:

– Вы точно уверены, что это был наш отец? Если зеленый «кадиллак», как вы говорите, загорелся, то человек внутри, скорее всего, обгорел настолько, что трудно было установить, кем он был на самом деле.

Громкие, душераздирающие рыдания вырвались из груди мамы, хотя до этого она не проронила ни слезинки. Она поверила! Она поверила, что эти двое говорят правду!

Разодетые в пух и прах гости окружили нас и начали говорить обычные в таких случаях слова сожаления. Так происходит всегда, когда нужных слов не найти.

– Нам очень жаль, Коррина. Для нас это настоящий удар...

– Это так ужасно... Как ужасно, что это случилось с Крисом!

– Наши дни сочтены... Так уж заведено, со дня рождения все наши дни сочтены.

В конце концов толпа гостей начала убывать, как вода, просачивающаяся через бетонный пол. Папа умер. Мы больше никогда не увидим его живым, теперь он предстанет перед нами лежащим в гробу, в деревянном ящике, который потом заруют в землю и украсят сверху мраморным надгробием с его именем и датой рождения и смерти, той же самой датой, лишь год будет другой.

Я посмотрела вокруг, чтобы узнать, что происходит с близнецами, явно ничего не понявшими. К счастью, кто-то из гостей догадался увести их в кухню и готовил для них легкий ужин, чтобы затем уложить спать.

Я встретила взглядом с Кристофером и поняла, что он, как и я, захвачен и подавлен кошмарностью происходящего. На его бледном лице застыл испуг, он смотрел перед собой

взглядом, исполненным глубокого горя, отчего его глаза потемнели.

Один из полицейских вышел из дома к своему автомобилю и возвратился с кипой вещей, которые он разложил на кофейном столике. Я замерла, глядя, как на свет божий появляется то, что отец обычно носил в карманах: бумажник из кожи ящерицы, подаренный ему мамой на Рождество, кожаный блокнот, наручные часы и обручальное кольцо. Побывав в огне, все вещи почернели и покрылись налетом сажи.

Последними появились раскрашенные в мягкие пастельные тона животные, предназначенные для Кори и Кэрри. Как сказал краснолицый полицейский, все они были найдены рассыпанными вдоль дороги. Синий плюшевый слон с розовыми бархатными ушами и бордовый конь с красным седлом и золотыми поводьями. О, это было как раз для Кэрри. Сердце мое сжалось, когда полицейский стал выкладывать папину одежду, которая вывалилась из чемоданов, когда открылся замок багажника. Я знала эти костюмы, эти рубашки, галстуки, носки. Один из галстуков я сама подарила отцу на его день рождения.

– Кто-то должен поехать с нами и опознать тело, – сказал полицейский.

Теперь я была уверена. Это была правда. Наш отец больше никогда не приедет с подарками для всех нас, даже на свой собственный день рождения.

Осознав это, я стремглав бросилась из комнаты. Мне хотелось быть как можно дальше от разложенных на столе вещей: они разрывали мое сердце и заставляли чувствовать боль, в сравнении с которой все, что я пережила до этого, не имело никакого значения. Я выбежала из дома на задний двор и там стала бить кулаками по стволу старого клена, пока не содрала в кровь руки, а потом бросилась на траву и горько заплакала. Из меня изливались океаны слез по папе, который на самом деле должен был быть жив. Я оплакивала всех нас, оставшихся без него, особенно близнецов, ведь они даже не смогли в полной мере почувствовать, какой чудесный отец у них был.

И когда мои слезы иссякли, а глаза распухли и покраснели, я услышала, как сзади легкими шагами приближается мама.

Она села на траву позади меня и взяла мою руку в свою. Молодой месяц – луна была в первой четверти – уже успел зайти, но небо было усыпано миллионами звезд, а в воздухе чувствовались весенняя свежесть и первые ароматы цветения.

– Кэти, – сказала она неожиданно, когда мне показалось, что тишина, повисшая между нами, никогда не кончится, – твой отец там, на небесах, сейчас он смотрит вниз, на тебя, и поэтому ты должна вести себя достойно.

– Он не умер, мама, – отчаянно запротестовала я.

– Ты слишком долго пробыла здесь во дворе и, наверное, не понимаешь, что уже десять часов. Кто-то должен был поехать и опознать тело отца. Хотя Джим Джонстон и предлагал сделать это, пытаясь оградить меня от новых переживаний, я должна была сама увидеть его. Понимаешь, мне тоже было трудно в это поверить. Твой отец действительно умер, Кэти. Кристофер сейчас лежит на кровати и плачет, а близнецы уже заснули. Они еще не знают в точности, что означает слово «умер».

Она обняла меня, положив мою голову к себе на плечо.

– Пойдем, – сказала она, вставая с земли и поднимая меня вместе с собой. – Ты слишком много времени провела здесь. Я думала, ты дома, вместе со всеми остальными. А дома все считали, что ты или у себя в комнате, или у меня. Нельзя оставаться наедине со своим горем. Всегда лучше быть с людьми и разделить печаль с ними, а не загонять ее внутрь.

Пока она говорила это, ее глаза оставались сухими, но где-то глубоко внутри она плакала и, может быть, даже кричала. Все говорило об этом, начиная с ее тона и кончая глубокой тоской в потемневших от горя глазах.

Со смертью отца темная тень упала на всю нашу жизнь. Я с упреком смотрела на маму и думала, что она заранее должна была подготовить нас к чему-нибудь подобному, потому что нам никогда не разрешалось держать домашних животных, которые могли умереть и тем

самым приучить нас к мысли о потерях, связанных со смертью. Кто-нибудь, какой-нибудь взрослый должен был предупредить нас, что молодые, красивые и полные сил люди тоже могут умереть. Но как я могла сказать что-нибудь в этом роде маме, выглядевшей так, будто судьба заставила ее пройти через все муки ада? Разве можно допустить такую откровенность с человеком, который не хочет ни есть, ни пить, ни причесываться, ни надевать те прекрасные платья, что наполняют его гардероб? Мало того, она как будто забыла и о нашем существовании. К счастью, сердобольные соседки приходили и забирали нас на время к себе или приносили еду, приготовленную ими. Наш дом неожиданно оказался набитым цветами, домашними запеканками, ветчиной, горячими булочками, пирожными и пирожками.

Люди, знавшие и любившие отца, приходили толпами. Я была удивлена, что он был так известен в нашем городке. Одновременно я возненавидела постоянные расспросы о том, как он умер, и выражения сожаления по поводу того, что кто-то умирает таким молодым, в то время как старые, бесполезные и беспомощные люди продолжают жить, являясь бременем для всего общества.

Из услышанных и подслушанных мной разговоров я вынесла идею, что смерть слепа и собирает свою жатву, не обращая внимания на любящих и любимых и не проявляя снисхождения.

Весенние дни подходили к концу. Наступало лето. Печаль, как ни старайся продлить или задержать ее в себе, постепенно отступала, и отец, такой живой, такой настоящий, такой любимый, постепенно превращался в смутный образ с неясными очертаниями.

Однажды я увидела маму такой грустной, словно она разучилась улыбаться.

– Мама, – сказала я, пытаюсь как-то поднять ей настроение, – я собираюсь делать вид, что папа еще жив, как будто он просто уехал в очередную деловую поездку. Что он собирается вернуться. Что он снова войдет в дверь и скажет свое обычное: «А ну-ка, быстрее поцелуйте меня, если вы меня еще любите». Давай попробуем, может, нам всем будет лучше, если мы представим себе, что он живет где-то, откуда мы не можем получить известий, и что он появится в любую минуту.

– Нет, Кэти, – вздохнула мама. – Ты должна примириться с правдой. Нельзя найти успокоение в фантазиях, понимаешь? Твой отец умер, и его душа отправилась на небо. В твоем возрасте ты уже должна понимать, что с небес еще никто не возвращался. А что касается нас, мы и без него будем делать все, что от нас зависит, и не будем убегать от реальности.

Она поднялась с кресла и начала искать в холодильнике продукты для завтрака.

– Мама, – начала я снова, как можно осторожнее, чтобы не рассердить ее, – разве мы сможем продолжать жить без него?

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы мы выжили, – ответила она невыразительно.

– Ты теперь будешь работать, как миссис Джонстон?

– Может быть, а может быть, и нет. Всякое может быть, Кэти. Жизнь полна сюрпризов, и иные из них неприятные, как ты смогла убедиться. Но помни, что Господь наградил тебя отцом, с которым ты прожила почти двенадцать лет и который считал тебя своей любимой маленькой девочкой.

– Потому что я похожа на тебя, – ответила я, все еще чувствуя в определенной степени ту зависть, которая посещала меня, когда я замечала, что стою для отца на втором месте после нее.

Мама бросила на меня взгляд, продолжая рыться в содержимом холодильника.

– Знаешь, что я тебе скажу, Кэти? Раньше я никогда не говорила тебе ничего подобного. Ты выглядишь очень похожей на меня в твоем возрасте, но на самом деле мы с тобой очень разные. Ты гораздо более целеустремленная и в чем-то агрессивная. Отец говорил, что ты очень напоминаешь ему его мать, которую он очень любил.

– Наверное, все любят своих матерей?

– Нет, – сказала она со странной гримасой, – есть матери, которых просто нельзя любить, потому что они не хотят, чтобы их любили.

Потом она достала из холодильника яйца и бекон и повернулась, чтобы заключить меня в объятия.

– Дорогая Кэти! Вы с отцом любили друг друга особенно сильно, и я думаю, что ты скучаешь по нему гораздо больше, чем Кристофер или близнецы.

Я всхлипнула у нее на плече:

– Я ненавижу Бога за то, что Он отобрал его у меня! Папа должен был дожить до старости. Его уже не будет, когда я начну танцевать в балете, а Кристофер станет врачом. Теперь, когда его нет, ничто не имеет значения.

– Иногда, – начала мама сдавленным голосом, – смерть не так страшна, как ты думаешь. Твой отец никогда не станет старым или больным. Он навсегда остался молодым, и ты запомнишь его таким: молодым, красивым и сильным. Не плачь больше, Кэти, потому что отец всегда говорил, что для всего есть свои причины и у всякой проблемы есть решение, и теперь я пытаюсь, все время пытаюсь найти наилучший выход.

Мы, четверо детей, были подавлены своей тяжелой потерей, разрушившей нашу прошлую жизнь. Мы часто играли на заднем дворе, стараясь забыть под яркими солнечными лучами, неспособные представить себе, как неожиданно и трагически обернется наша жизнь в скором будущем. В будущем, где слова «сад» и «задний двор» станут для нас синонимами небес, таких же далеких и недоступных.

Через некоторое время после папиных похорон мы с Крисом пытались занять близнецов игрой на заднем дворе. Они сидели в песочнице с совками, перекладывая песок с одной горки на другую и общаясь друг с другом на языке, понятном только им двоим. Кори и Кэрри не были абсолютно идентичными близнецами и скорее напоминали обыкновенных брата и сестру, и в то же время они образовывали своего рода единое целое – самодостаточное и удовлетворяющее обе его части. За стеной, которую они возвели вокруг себя, близнецы были владельцами собственного замка и полноправными хранителями собственного ларца с секретами. Им вполне хватало друг друга, все остальные были лишними.

Подошло время ужина, но нас никто не звал. Похоже, еду сегодня отменили. Напуганные такой перспективой, мы не стали дожидаться, пока мама позовет нас в дом, и, схватив близнецов за пухлые ручки в складочках, побежали сами. Мама сидела за отцовским письменным столом и писала письмо, которое, по всей видимости, давалось ей трудно, судя по груде смятых листов с черновыми набросками. Нахмурившись, она писала прописными буквами, время от времени останавливаясь и задумчиво глядя куда-то вдаль.

– Мама, – напомнила я ей, – уже почти шесть. Близнецы давно проголодались.

– Минутку, минутку, – ответила она, почти не обращая на нас внимания. – Я пишу вашим дедушке и бабушке, которые живут в Виргинии. Соседи принесли нам столько еды, что хватит на неделю. Ты можешь просто разогреть какую-нибудь запеканку, Кэти.

Так я впервые сама приготовила поесть: накрыла на стол, разогрела запеканку и разлила по стаканам молоко, и лишь тогда мама пришла в кухню и стала помогать мне.

Пожалуй, каждый день с тех пор, как отца не стало, мама писала какие-то письма, отлучалась куда-то, а мы оставались на попечении ближайших соседей. По вечерам она чаще всего сидела за письменным столом, раскрыв перед собой большую зеленую папку, где хранились кипы счетов.

Все изменилось дома: исчезло привычное ощущение порядка, и казалось, ничто не идет как надо. Теперь мы с братом часто сами купали близнецов, одевали их в пижамы и укладывали спать. Потом Кристофер бежал в свою комнату заниматься, а я старалась быть с мамой. Я мечтала, чтобы ее глаза снова хоть на секунду засветились счастьем.

Несколько недель спустя от маминых родителей наконец пришел ответ. Мама сразу заплакала, даже не успев распечатать толстый гляцевый конверт. Она медленно открыла его ножом для разрезания писем и дрожащими руками взяла три страницы, которые перечитала трижды. Пока она читала, по лицу ее медленно стекали слезы, размазывая макияж и оставляя длинные блестящие полосы.

Мама позвала нас в дом, как только достала почту из ящика, и теперь мы вчетвером сидели перед ней на диване. Я сидела и наблюдала, как ее хорошенькое лицо дрезденской фарфоровой куклы принимает твердое, исполненное холодной решимости выражение. У меня даже холодок пробежал по спине. Может быть, потому, что она неожиданно подняла глаза на нас и долго смотрела странным, задумчивым взглядом. Потом она опять посмотрела на три листа бумаги в своих все еще дрожащих руках и перевела взгляд за окно, как будто там надеялась увидеть ответ на вопрос, содержащийся в письме. Вообще она вела себя очень странно. В комнате стало необыкновенно тихо.

Жизнь в доме без отца и так была достаточно неудобной, а тут еще это письмо, трех страниц которого было достаточно, чтобы мама стала смотреть на нас таким неожиданно жестким взглядом. Что же все-таки произошло?

В конце концов она начала, кашлянув, чтобы прочистить горло. Ее голос неожиданно стал резким, совершенно непохожим на ее обычно нежные, теплые интонации.

– Ваша бабушка ответила мне, – сказала она этим пугающим, ледяным тоном. – После всех писем, что я написала ей, она, в общем, э-э... как вам сказать... В общем, она согласилась. Она позволит нам переехать и жить у нее.

Это были отличные новости – как раз то, что нам очень хотелось услышать. Но мама снова замолчала и уставилась на нас. Что же все-таки происходило с ней? Она словно забыла, что мы – ее четверо детей, а не просто чьи-то ребята, посаженные перед ней на диване в ряд, как птицы на веревке, где сушится белье.

– Кристофер, Кэти! В свои четырнадцать и двенадцать лет вы уже достаточно взрослые, чтобы понять и поддержать вашу мать в нашем отчаянном положении.

Сделав многозначительную паузу, она начала нервно перебирать бусы у себя на шее и тяжело вздохнула. Казалось, она вот-вот заплачет. Мне стало жаль нашу бедную маму, такую одинокую, лишенную всякой поддержки.

– Мама, – спросила я, – что-то не так?

– Все в порядке, дорогая, все в порядке. – Она попыталась изобразить улыбку. – Ваш отец, царство ему небесное, хотел дожить до глубокой старости и в ближайшее время собирался нажить приличное состояние. Он был одним из тех людей, которые умеют делать деньги, поэтому я никогда не сомневалась, что ему удастся осуществить свои планы, разумеется со временем. Никто не предполагал, что он оставит нас в тридцать шесть лет. Человеку свойственно верить, что с ним не случится ничего сверхъестественного, что несчастья происходят с другими. Никто из нас в глубине души не верит, что с ним может случиться нечто такое. Господи, ведь мы с вашим отцом надеялись состариться вместе. Мы думали, что умрем в один день, в достаточно преклонном возрасте, чтобы успеть помянуть внуков. Тогда ни одному из нас не пришлось бы скорбеть о том, кто умрет первым.

Она снова вздохнула.

– Должна сказать вам, что мы жили далеко не по нашим нынешним средствам, практически в кредит. То есть мы тратили деньги, которых у нас еще не было. Отец здесь ни при чем, в основном это была моя вина. Он прекрасно знал, что такое бедность. Да что там, вы, наверное, помните, как он ругал меня. Когда мы покупали дом, он сказал, что нам нужны только три спальни, но мне хотелось четыре. Даже четыре казалось мало. Посмотрите вокруг: мы взяли ссуду на этот дом сроком на тридцать лет. Ничто здесь не принадлежит нам: ни мебель, ни автомобили, ни оборудование в кухне, ни стиральные машины – ни за один предмет мы не расплатились.

Видимо, мы выглядели испуганно, потому что она замолчала и залилась краской, безотчетно оглядывая комнату, так прекрасно оттенявшую ее красоту. Изысканные брови сдвинулись на переносице, и лицо стало озабоченным.

– Несмотря на то что отец пытался ограничить мои траты, он в основном и сам был не против. Он прощал мне многое, потому что любил меня, и в конце концов мне удалось убедить его, что предметы роскоши совершенно необходимы, и мы бросились тратить деньги. Мы всегда прощали друг другу наши слабости. Пожалуй, это была наша общая

черта, одна из многих.

Воспоминания на минутку преобразили ее лицо, и к ней вернулось то тоскливо-покинутое выражение, какое часто появлялось у нее после смерти отца. Однако она быстро оправилась и продолжила все тем же чужим голосом:

– Теперь все эти красивые вещи от нас заберут. По условиям договора все это отойдет к ним. Так происходит, если ты не можешь расплатиться за сделанные покупки. К примеру, этот диван. Три года назад он стоил триста долларов. Нам осталось заплатить примерно сотню, но его все равно отберут. Мы потеряем все, что мы заплатили, и это будет законно. Мы потеряем не только этот дом вместе с мебелью, но даже машины – в общем, практически все, кроме нашей одежды и ваших игрушек. Надеюсь, они разрешат мне оставить обручальное кольцо, а другое, с бриллиантом, которое я получила при помолвке, я собираюсь спрятать. Поэтому, если кто-нибудь будет интересоваться, не вздумайте сказать, что у меня было еще одно.

Кто собирался отнять у нас все наше имущество, оставалось неясным. Тогда мне не пришло в голову спросить об этом. А потом... Потом это просто не имело значения.

Мы с Кристофером посмотрели друг на друга. Я безуспешно старалась понять происходящее, барахтаясь в море слов и боясь утонуть. Я чувствовала, что погружаюсь во взрослый мир, где существовали понятия «смерть» и «долг». Наверное, мой брат понял это, потому что с силой сжал мою руку в знак поддержки.

Видимо, обуревавшие меня чувства проступали на лице так же ясно, как вещи, выставленные в витрине. Настолько ясно, что даже Кристофер, мой всегдашний мучитель, попытался меня ободрить. Я хотела улыбнуться, чтобы доказать, что я тоже взрослая, но слабое, дрожащее существо внутри меня было повергнуто в ужас: «Они собираются забрать от нас все». Я не желала, чтобы другая маленькая девочка жила в моей комнате, оклеенной чудесными розово-салатными обоями, спала на моей кровати, играла с игрушками, которыми я так дорожила, – миниатюрными куколками в изящных коробках и музыкальной шкатулкой из чистого серебра с танцующей розовой балериной. Неужели и их надо будет отдать?

Мама внимательно наблюдала за тем, как мы с Крисом обменялись взглядами. Снова обратившись к нам, она попыталась отчасти придать голосу прежнюю нежность:

– Не надо отчаиваться. Все не так плохо, как это прозвучало. Простите, если я причинила вам боль. Мне следовало помнить, какие вы еще маленькие. Я приберегла хорошие новости напоследок. Теперь – внимание, задержите дыхание. Вы, наверное, не поверите тому, что я сейчас скажу, но мои родители очень богаты. Не с нашей точки зрения представителей среднего класса и даже не так, как люди, занимающие более высокое положение, а очень, очень, очень богаты! Богаты до отвращения, настолько, что это даже кажется немного греховным. Они живут в огромном, прекрасном доме в Виргинии, вы никогда не видели ничего подобного. Я-то родилась и выросла в этом доме и уверена, что, когда вы увидите его, наш коттедж покажется вам хижинкой. И разве я уже не успела упомянуть, что теперь мы будем жить с ними – моими отцом и матерью?

Она предлагала нам это утешение, неуверенно и слегка поддобоострастно улыбаясь. Эта соломинка не спасла меня от пучины страхов и сомнений, в которую погрузили ее слова и поведение. Мне совсем не нравилось, как она виновато отводила глаза, когда я смотрела на нее. Она наверняка что-то скрывала.

Но она была мамой.

И папы с нами не было.

Я подхватила Кэрри и посадила ее на колени, крепко прижимая к себе ее маленькое теплое тело. Я пригладила влажную прядь ее золотых волос, упавшую на лоб. Бедняжка потупила глаза и надула похожие на розовый бутон губки.

Взглянув на Кори, прислонившегося к Кристоферу, я сказала:

– Близнецы устали, мама. Их пора кормить ужином.

– У нас еще достаточно времени, – нетерпеливо заявила она. – Нам нужно все

спланировать и упаковать одежду, потому что уже сегодня мы должны успеть на поезд. Все ваши носильные вещи надо уместить в два чемодана. Поэтому я рекомендую вам взять с собой любимые вещи и только те игрушки, с которыми вы просто не можете расстаться. И не больше одной игры. Я куплю вам, сколько вы захотите, когда мы приедем. Ты, Кэти, выберешь игрушки и одежду, которая больше всего нравится близнецам. Постарайся отбирать как можно меньше. Мы не сможем взять с собой больше четырех чемоданов. Еще два нужны для моих вещей.

Боже праведный! Итак, все это было взаправду. Мы действительно уезжали, оставляя почти все. Мы четверо могли забрать лишь то, что поместится в два чемодана. Одна только моя кукла Тряпичная Энн занимала полчемодана. И в то же время я не могла оставить ее, мою любимую куклу, которую папа подарил мне еще в три года! Я поневоле всхлипнула.

Пораженные, мы сидели на диване, уставившись на маму. Ей стало ужасно неловко, и, вскочив с места, она начала мерить шагами комнату.

– Я ведь уже говорила, что мои родители очень состоятельные люди.

Она попыталась снова бросить на нас с Кристофером ободрающий взгляд, но быстро отвернулась, пряча лицо.

– Мама, – сказал Кристофер, – что-то не так?

Я удивилась, что он задал ей этот вопрос. И так было ясно, что все не так.

Она ходила из стороны в сторону, и ее длинные изящные ноги время от времени появлялись из прорези в блестящем черном халате. Даже в трауре, одетая во все черное, она была красива, ее не портили и тени под обеспокоенными глазами. Она была так прекрасна, и я так любила ее; о, как я любила ее тогда!

– Правда, есть одна маленькая деталь, о которой я должна поставить вас в известность до того, как вы встретите моего отца – вашего дедушку. Много лет назад, когда мне было восемнадцать, я совершила серьезный проступок, который очень рассердил дедушку, и мама его тоже не одобрила, но она и так ничего не оставила бы мне, поэтому она не считается. Но дедушка из-за того, что я сделала, вычеркнул меня из завещания, и поэтому теперь мне ничего не перейдет по наследству. Ваш папа всегда остроумно называл это «лишиться расположения». Он всегда пытался представить все в лучшем свете и часто говорил, что это не имеет значения.

Лишиться расположения? Что это значит? Я не могла вообразить, что такого плохого совершила мама, чтобы ее отец отвернулся от нее и во всем ей отказал.

– Да, мама, я тебя прекрасно понимаю, – внезапно выдохнул Кристофер. – Ты сделала нечто, вызвавшее неодобрение твоего отца, и тогда, хотя ты и была первоначально включена в его завещание, он, вместо того чтобы как следует обдумать этот шаг, попросил своего юриста вычеркнуть тебя, и теперь ты не унаследуешь его земных богатств, когда он благополучно отойдет в мир иной.

Он ухмыльнулся, довольный, что знает больше моего. У Криса всегда был готов ответ на любой вопрос. Дома он всегда сидел, уткнувшись носом в книгу, хотя на улице был такой же дурной и гадкий, как все мальчишки по соседству. Дома он даже не смотрел телевизор, а немедленно, как червь, зарывался в книги.

Естественно, он был прав.

– Да, Кристофер. Ничто из богатства, накопленного твоим дедушкой, не перейдет ко мне, когда он умрет, или через меня к вам. Поэтому мне пришлось отослать столько писем, пока мать наконец не ответила мне. – Она снова улыбнулась, на этот раз с горькой иронией. – Но поскольку теперь я единственная оставшаяся наследница, я надеюсь опять завоевать его расположение. Видите ли, у меня было два старших брата, но оба погибли от несчастных случаев, и теперь я осталась одна.

Она перестала ходить по комнате и остановилась. Неожиданно, полуприкрыв рукой рот, она добавила неестественным голосом:

– Наверное, будет лучше, если я вам еще кое-что объясню. Ваша настоящая фамилия не Доллангенджер, а Фоксворт. Фоксворт – очень важная фамилия в Виргинии.

– Мама, – удивленно воскликнула я, – разве разрешается менять фамилию и писать другую, фальшивую, в наших свидетельствах о рождении?

– Ради бога, Кэти, – нетерпеливо ответила она, – разумеется, закон разрешает менять фамилию. Видишь ли, фамилия Доллангенджер тоже до некоторой степени имеет к нам отношение. Твой папа говорил, что это фамилия его далеких предков, и считал ее забавной, и потом, она хорошо выполняла свое предназначение.

– Какое предназначение? – спросила я. – Зачем было папе менять такую легкую в написании фамилию, как Фоксворт, на такую длинную и трудную, как Доллангенджер?

– Кэти, я устала, – сказала мама, падая в кресло. – Мне ведь так много нужно сделать, так много уладить юридических деталей. Очень скоро сами все поймете, я объясню вам. Клянусь быть абсолютно честной, но сейчас, пожалуйста, дайте мне перевести дух.

Ах, что это был за день! Сначала мы узнали, что какие-то таинственные «они» придут, чтобы забрать от нас все, включая дом. Потом оказалось, что и наша фамилия на самом деле не наша.

Близнецы уже почти спали, свернувшись у нас на коленях. Они все равно были слишком малы, чтобы что-то понять из разговора. Даже я в свои двенадцать лет, почти женщина, не понимала, почему мама не выглядела особенно радостной, направляясь к родителям, которых не видела пятнадцать лет. И потом, эти таинственные дедушка и бабушка, о которых мы до смерти отца и понятия не имели. Лишь сегодня мы услышали, что у нас было два дяди, погибших в результате несчастного случая. Только сейчас меня осенила мысль, что наши родители жили нелюдимой жизнью еще задолго до нашего рождения и что мы, в конце концов, были не в центре мироздания, как мне казалось раньше.

– Мама, – осторожно заговорил Кристофер, – твой огромный дом в Виргинии – это, конечно, прекрасно, но нам очень нравится здесь. Здесь наши друзья, здесь нас все знают, все любят, и лично я предпочел бы остаться здесь. Разве ты не можешь разыскать папиного адвоката и попросить его, чтобы он помог нам остаться и сохранить наш дом и мебель?

– Да, мама, пожалуйста, давай останемся, – добавила я.

Мама снова резко поднялась и заходила по комнате. Потом она опустилась перед нами на колени, так что ее глаза оказались на одном уровне с нашими.

– А теперь послушайте, – велела она, взяв нас за руки и прижимая их к своей груди. – Я много думала о том, удастся ли нам остаться здесь и если да, то как. Но это невозможно, совершенно невозможно, потому что у нас нет денег, чтобы платить по счетам, приходящим каждый месяц, а у меня нет профессии, которая позволила бы мне работать и содержать четырех детей и саму себя. Посмотрите на меня, – сказала она, выбрасывая вперед свои руки, которые в этот момент показались нам ранимыми, беспомощными и красивыми. – Знаете, кто я? Просто хорошенькое, бесполезное украшение. Украшение, которое всегда верило, что найдется человек, который будет заботиться о нем. Я ничего не умею. Я даже не умею печатать. Я не знаю арифметики. Я не знаю, как вышивать красивые узоры нитками или шерстью. Такие люди не способны заработать деньги. А без денег нельзя прожить, мои дорогие. Не любовь движет миром, а именно они, деньги. А у моего отца их столько, что он не знает, что с ними делать. И теперь у него единственный живой наследник – я. Когда-то он заботился обо мне гораздо больше, чем о моих братьях, и, наверное, теперь будет нетрудно снова завоевать его привязанность. Ему шестьдесят шесть лет, и он умирает от болезни сердца. Судя по тому, что моя мать написала на отдельном листке, которого отец не видел, он не проживет дольше двух-трех месяцев. Поэтому у меня будет достаточно времени, чтобы очаровать его и заставить снова полюбить меня. А когда он умрет, все его состояние будет моим. Моим! Нашим! Мы навсегда освободимся от денежных тягот. Мы сможем поехать куда захотим, делать все, что нам вздумается, путешествовать, покупать все, что угодно. Я говорю не о миллионе или двух, а о многих-многих миллионах – может быть, даже миллиардах. Когда у людей столько денег, они не знают их численного выражения. Они вкладывают их повсюду, и им принадлежат разные вещи, такие как банки, авиакомпании, отели, универмаги, пароходства. Вы не можете себе вообразить, какая империя находится

под контролем вашего дедушки, даже сейчас, когда его дни сочтены. Он настоящий гений в области делания денег. Все, к чему он прикасается, превращается в золото.

Ее голубые глаза засверкали. Солнце светило через окна фасада, и его лучи алмазным блеском ложились на ее волосы. Казалось, что она уже владеет неоценимым богатством. Мама, мама, но почему все это открылось только после смерти отца?

– Кристофер, Кэти, вы слушаете, вы пытаетесь использовать свое воображение? Понимаете, на что способен человек с таким огромным количеством денег? Мир со всем, что ни есть в нем, будет вашим! У вас будет власть, влияние, уважение. Поверьте, очень скоро ко мне вернется расположение моего отца. Ему достаточно будет посмотреть на меня, и он поймет, что все эти пятнадцать лет мы были нелепо, бессмысленно отделены друг от друга. Он стар, слаб и все время находится в комнате на первом этаже, за библиотекой, и за ним днем и ночью ухаживают медсестры, а слуги прислуживают ему на каждом шагу. Но лишь собственная плоть и кровь становится действительно важной для человека в таком состоянии, а я – все, что у него осталось. В первый вечер я подготовлю его к встрече с его четырьмя внуками и внучками, а потом я приведу вас, и он будет заморожен, очарован этим зрелищем: четверо красивых детей, само совершенство, он просто не сможет не полюбить вас, каждого из вас. Честное слово, все будет так, как я сказала. Я сделаю все, что отец потребует от меня. Клянусь жизнью, клянусь всем, что для меня свято и дорого, – вами, которых я родила, потому что так сильно любила вашего отца: очень скоро я буду наследницей неправдоподобно большого состояния, и через меня любая ваша мечта сможет немедленно осуществиться.

Я сидела, раскрыв рот, – так поразительна была ее страстность. Взглянув на Кристофера, я поняла, что он тоже смотрит на нее в изумлении. Близнецы были в мягкой полудреме и вряд ли слышали все, что она говорила.

Итак, мы собирались переехать в дом, огромный и богатый, как дворец.

В этом величественном дворце нас должны были представить царю Мидасу, который скоро отойдет в мир иной, а тогда мы получим все его деньги, и мир будет у наших ног. Мы будем неправдоподобно богаты. Я стану чем-то вроде принцессы! Но почему я не чувствовала себя счастливой?

– Кэти, – сказал Кристофер, улыбаясь своей лучистой, счастливой улыбкой, – ты все равно сможешь стать балериной. Я не думаю, что талант можно купить за деньги, так же как деньги никогда не сделают из богатого бездельника хорошего доктора. Но до того, как придет время становиться собранными и целеустремленными, почему бы не побывать на празднике жизни?

Я не могла взять с собой серебряную музыкальную шкатулку с розовой балериной. Она считалась дорогой и была внесена в «их» списки как ценный предмет.

Нельзя было снять со стены застекленные коробки с объемными картинками или потихоньку взять одну из миниатюрных кукол. Я не могла увезти ничего из того, что дарил мне папа, кроме маленького колечка с полудрагоценным камнем, сделанным в форме сердца, которое постоянно было у меня на руке.

И, как сказал Кристофер, когда мы разбогатеем, наша жизнь превратится в один нескончаемый праздник, одну длинную-предлинную вечеринку. Так живут все богатые люди: они постоянно веселятся, после того как закончат считать деньги и составят план развлечений на будущее.

Развлечения, игры, вечеринки, невообразимое богатство, дом, похожий на дворец с множеством слуг, живущих в постройке над гаражом, где стоит по меньшей мере девять дорогих автомобилей... Кто бы мог подумать, что моя мама выросла в такой семье? Почему она постоянно спорила с папой, пытавшимся ограничить ее траты, если она могла просто написать домой и попросить, пусть униженно?

Я медленно прошла через прихожую в свою комнату и остановилась перед серебряной шкатулкой, где балерина делала арабески, когда крышка открывалась. При этом она любовалась на свое отражение в зеркале. Я услышала, как шкатулка прозвенела мелодию: «Кружись, балерина, кружись...» Я могла бы ее украсть, если бы у меня было куда ее спрятать.

Прощай, моя розовая комната! Прощай, моя маленькая белая кровать с прошитым швейцарским одеялом, под которым я болела корью, свинкой, ветрянкой.

Прощай, папа, теперь я не смогу представить, как ты сидишь на краю кровати, взяв меня за руку, или приносишь мне из ванной стакан воды. На самом деле мне совсем не хочется уезжать, папа, я бы лучше осталась здесь, где все напоминает о тебе.

– Кэти, – мама стояла в дверях, – сейчас не время плакать. Комната есть комната. За свою жизнь ты успеешь пожить во многих, поэтому поторопись, собери свои вещи и вещи близнецов, пока я тоже собираюсь.

Внутренний голос нашептывал мне, что за свою жизнь я действительно успею сменить тысячу комнат, и... я поверила.

Путь к богатству

Пока мама упаковывала свои вещи, мы с Кристофером побросали свои в чемоданы, добавив несколько игрушек и одну настольную игру. В ранних вечерних сумерках такси отвезло нас на станцию. Мы ускользнули украдкой, не попрощавшись ни с одним из друзей, и поэтому мне было больно. Мама настаивала, чтобы все было именно так. Я не могла понять почему. Наши велосипеды остались в гараже вместе со всем, что нельзя было увезти.

Поезд мчался через темную звездную ночь к далекому горному поместью в Виргинии. Мимо проносились спящие городки и небольшие селения, рассыпанные в темноте фермы со светящимися прямоугольниками окон, которые одни только и говорили об их существовании.

Мы с братом не хотели засыпать, стараясь не пропустить ни одного из тех видов, что открывались из окна, и, боже праведный, сколько нам надо было обсудить! В основном разговор касался того величественного и богатого дома, в великолепных апартаментах которого нам предстояло жить. Мы будем есть на золотой посуде, а подавать будет лакей, одетый в ливрею. Я полагаю, что у меня будет собственная горничная, чтобы заботиться о моей одежде, готовить ванну, причесывать мне волосы, опрометью бросаться ко мне по первому зову. Впрочем, я не буду суровой. Я буду ласковой, проникательной госпожой, о какой мечтает любая служанка, до тех пор, пока она не разобьет что-нибудь. Тогда я обернусь настоящей фурией с ужасными вспышками гнева и выскажу ей все накопившиеся претензии.

Оглядываясь на ту ночь в поезде, я понимаю, что именно тогда я начала взрослеть и философствовать. Приобретая что-то, мы одновременно что-то теряем, поэтому, думала я, надо привыкать к новому положению вещей и пытаться взять от него возможно больше.

Пока мы с братом размышляли о том, как мы будем тратить будущее состояние, в наше маленькое купе протиснулся крупный, лысеющий мужчина-кондуктор и, с восхищением оглядев нашу маму с головы до ног, вежливо сказал:

– Миссис Паттерсон, через пятнадцать минут поезд прибывает на вашу станцию.

Почему теперь она стала называться «миссис Паттерсон»? Я была удивлена и озадачена. Я бросила вопросительный взгляд на Кристофера и поняла, что он тоже сбит с толку.

Проснувшись и явно чувствуя себя не в своей тарелке, мама широко открыла глаза. Ее взгляд переметнулся с кондуктора на нас, а потом она со страхом посмотрела на спящих близнецов. На глазах у нее появились слезы, она вытащила из сумки салфетку и стала тщательно вытирать в уголках глаз. Потом последовал вздох, такой тяжелый и такой печальный, что мое сердце тревожно забилося.

– Да, спасибо, – сказала она кондуктору, который продолжал с восхищением смотреть на нее. – Не волнуйтесь, мы готовы выйти.

– Мэм, – ответил тот, озабоченно глядя на карманные часы, – сейчас три часа ночи. Вы уверены, что вас есть кому встретить?

Он перевел взволнованный взгляд на меня и Кристофера, а потом на спящих близнецов.

– Все в порядке, – уверила его мама.

– Учтите, там очень темно, мэм!

– Послушайте, я могу дойти домой с закрытыми глазами.

Но похоже, доброго дедушку-кондуктора не удовлетворил такой ответ.

– Леди, до Шарлотсвилла час езды на машине. Мы высаживаем вас и ваших детей практически в никуда. В пределах видимости от станции нет даже ни одного дома.

Чтобы прекратить дальнейшие расспросы, мама ответила, стараясь придать голосу как можно более холодный оттенок:

– Нас встретят.

Было забавно, что она может внезапно стать такой высокомерной, а затем оставить свой пренебрежительный тон так же быстро, как снять шляпу.

Мы прибыли на место назначения. Вокруг было пустынно, и никто нас не встречал.

Кондуктор был прав, предупреждая нас: вокруг было темно и не светило ни одного огонька, указывающего на какое-нибудь жилище. Посреди ночи, одни, вдаль от каких-либо признаков цивилизации, мы стояли и махали руками вслед кондуктору, который, стоя на ступеньках, тоже махал нам, держась одной рукой за поручень. Судя по выражению его лица, он был расстроен, что ему пришлось оставить на платформе миссис Паттерсон и целый выводок сонных детей, в ожидании кого-то, кто должен приехать за ними на машине. Я посмотрела вокруг и увидела только ржавый жестяной навес на четырех деревянных столбиках и расшатанную зеленую скамейку.

Итак, это была наша станция.

Мы, не садясь, продолжали стоять и смотреть, пока поезд не исчез в темноте, грустно свистнув нам на прощание, как бы желая удачи.

Нас окружали поля и луга. Из густого леса позади станции доносились страшные звуки. Я вздрогнула и обернулась, вызвав смех Кристофера.

– Это просто сова! Ты что, думала, это привидение?

– Хватит, никаких призраков! – резко бросила мама. – И не обязательно говорить шепотом. Вокруг фермы, в основном молочные. Посмотрите, на полях растет овес и пшеница, кое-где есть ячмень. Фермеры поставляют свежие продукты состоятельным людям, которые живут на холмах.

Вокруг было множество холмов, похожих на вспучивающееся тут и там заплатанное одеяло. Склоны их заросли деревьями, которые разбивали каждый холм на своеобразные секции. Я быстро придумала для них название – «часовые ночи». Но мама тут же объяснила их практическое применение: оказывается, деревья задерживали снежные оползни. Упоминание о снеге несказанно обрадовало Кристофера: он любил все зимние виды спорта и не думал, что в таком южном штате, как Виргиния, будет достаточно снега.

– О, не волнуйся, снег здесь идет, – сказала мама, – да еще как! Эти холмы открывают горную цепь Блю-Ридж, и поэтому здесь делается очень, очень холодно – так же, как в Гладстоне. Но летом здесь будет значительно теплее, особенно днем. Ночью будет достаточно холодно, чтобы укрываться по меньшей мере одним одеялом. Сейчас, если бы солнце уже взошло, вам предстал бы, наверное, самый красивый уголок во всем мире. Однако нам надо торопиться. До дома идти еще очень далеко, а мы должны быть там, пока не рассвело и не проснулись слуги.

Как странно.

– Почему? – спросила я. – И почему кондуктор называл тебя миссис Паттерсон?

– Кэти, сейчас у меня нет времени на объяснения. Надо идти как можно быстрее.

Она подхватила два самых тяжелых чемодана и неожиданно резким тоном приказала нам следовать за собой.

Мы с Кристофером были вынуждены тащить близнецов, которые никак не могли проснуться.

– Мама, – воскликнула я, когда мы прошли несколько шагов, – кондуктор забыл передать нам твои чемоданы!

– Ничего страшного, Кэти, – сказала она, с трудом переводя дыхание, как будто ее ноша была настолько тяжелой, что отнимала все силы. – Я попросила его доставить их в Шарлотсвилл и положить в ячейку камеры хранения, чтобы я могла забрать их завтра утром.

– Это еще зачем? – недоверчиво поинтересовался Кристофер.

– Ну, во-первых, я безусловно не могу тащить сразу четыре чемодана, не правда ли? Во-вторых, я хочу получить возможность поговорить с отцом до того, как он узнает о вас. И потом, я думаю, мой приезд среди ночи, после того как я пятнадцать лет не переступала порога дома, и без того покажется достаточно странным.

Наверное, это были разумные доводы, потому что близнецов приходилось нести на руках и мы вряд ли могли справиться с большой поклажей. Мы снова тронулись в путь, продвигаясь вслед за мамой по едва различимым тропкам между камней и деревьев. Колючий кустарник цеплялся за нашу одежду. Казалось, дорога никогда не кончится. Мы с Кристофером устали и все больше и больше раздражались; нести близнецов было все тяжелее, руки уже начинали болеть. Приключение начинало надоедать нам. Мы жаловались, ворчали по поводу и без повода, едва переставляя ноги. Больше всего нам хотелось присесть и отдохнуть, а еще лучше – оказаться в Гладстоне, в своих кроватях, в окружении знакомых вещей. Большой старый дом со слугами, бабушкой и дедушкой, которых мы никогда не видели, совсем перестал представляться привлекательным.

– Разбудите близнецов! – бросила мама через плечо, явно недовольная нашими постоянными жалобами. – Поставьте их на ноги, пусть идут сами, хотя бы они того или нет.

Спрятав лицо за меховым воротником жакета, она едва слышно добавила что-то вроде:

– Господи, пусть походят по твердой земле, пока это возможно.

По моей спине пробежал тревожный холодок. Посмотрев на старшего брата, чтобы выяснить, расслышал ли он эту последнюю фразу, я увидела, что он улыбается. Я улыбнулась в ответ.

Завтра, когда мама приедет на такси в положенное время и поговорит с больным дедушкой, ей достаточно будет улыбнуться и произнести несколько слов, чтобы очаровать его. Он протянет руки для объятий и простит ей то, из-за чего она «лишилась расположения».

Со слов мамы ее отец представлялся мне сварливым и очень-очень старым – тогда шестьдесят шесть лет казались мне глубокой старостью. Человек, стоящий на пороге смерти, не может держать старые обиды, особенно на своего единственного оставшегося ребенка, дочь, которую он когда-то так любил. Он не может не простить ее, чтобы с сознанием собственной правоты, спокойно, умиротворенно сойти в могилу. После того как она заморозит его своими чарами, она приведет нас из спальни, и мы сделаем все, чтобы показать себя с лучшей, приятнейшей стороны. Он увидит, что мы не плохие и отнюдь не уродливые. Не говоря уже о близнецах: никто не может не полюбить их, если у него есть сердце. Я сама видела, как люди в магазинах останавливались, чтобы потрепать их по головке и сказать нашей маме, какие хорошенькие у нее двойняшки. А потом, потом дедушка узнает, какой умный наш Кристофер! Ведь он учится на круглые пятерки! Что самое интересное, ему даже не приходится сидеть над книгами, как мне. Все дается ему очень легко. Ему достаточно просмотреть страницу пару раз, и вся информация немедленно откладывается у него в голове, причем надолго, если не навсегда. Я очень завидовала его способностям.

Я тоже была одаренной девочкой, не в такой степени, как Кристофер, но все же.

С детства я отличалась проницательностью и норовила заглянуть за блестящий фасад,

чтобы обнаружить пятнышко на обратной стороне. Собрав вместе то небольшое, что нам удалось услышать о нашем дедушке, я уже успела составить о нем более или менее цельное представление и определить, что он был из тех, кто долго не прощает, – судя по тому, что он отвергал некогда столь любимую дочь целых пятнадцать лет. И все же, со всей своей твердостью, как может он противостоять маминому обаянию? Вряд ли это было возможно. Я часто была свидетелем споров по поводу семейного бюджета и поражалась, как ей удается заставить папу забыть о тратах и их последствиях. Он всегда бывал побежден. Достаточно было одного поцелуя, одного крепкого объятия или любого другого проявления ласки и нежности – и он соглашался, что так или иначе они смогут заплатить за очередную дорогую покупку.

– Кэти, – сказал Кристофер, – по-моему, ты чем-то очень озабочена. Если бы Бог не создал людей так, что они в конце концов стареют, слабеют и умирают, он никогда не позволил бы им иметь детей.

Почувствовав на себе его взгляд, я догадалась, что он читает мои мысли, и вспыхнула.

Он ободряюще улыбнулся. Он был неунывающим оптимистом и в отличие от меня не впадал в меланхолию, сомнения и тяжелые раздумья.

Мы последовали совету мамы и разбудили близнецов, велев им встать на ноги и сделать над собой усилие, чтобы идти самим. Обильно расточая стоны и жалобы, они поплелись вслед за нами.

– Не хочу идти туда! – рыдала обыкновенно очень слезливая Кэрри.

Кори только пищал.

– Я не хочу идти по темному лесу! – продолжала вопить Кэрри, пытаясь освободить свою руку, которую я крепко сжимала. – Я иду домой! Пусти меня, Кэти, пусти меня!

Всхлипывания Кори становились все громче и громче.

Я хотела было снова взять Кэрри на руки, но поняла, что уже не смогу сделать это: руки слишком сильно болели.

Потом Кристофер отпустил Кори и побежал вперед, чтобы помочь маме с ее двумя тяжелыми чемоданами. Теперь за мной в темноте волочились два воющих близнеца.

Воздух был прохладным и пронзительно свежим.

Хотя мама назвала эту местность холмистой, огромные темные формы, просматривавшиеся вдалеке, скорее напоминали горы. Я подняла глаза на небо. Оно напоминало глубокую миску бархатистого темно-синего цвета, перевернутую вверх дном и украшенную напоминающими снежинки кристаллами звезд. А может, это мои замерзшие слезы, которые мне предстоит выплакать в будущем? Почему-то мне показалось, что со своей высоты они смотрят на меня с сожалением, и я чувствовала себя подавленным, совершенно ничего не значащим существом размером с муравья. Небо было слишком близким, слишком большим и красивым и наполняло меня странными предчувствиями. Одновременно я сознавала, что при других обстоятельствах я просто влюбилась бы в окружающий меня пейзаж.

Наконец мы приблизились к скоплению больших фешенебельных домов, расположившихся на склоне холма.

Никем не замеченные, мы подошли к самому большому, выглядевшему намного величественнее всех остальных. Мама приглушенным голосом сообщила нам, что дом ее предков называется Фоксворт-холл и что ему уже двести лет!

– Здесь есть какое-нибудь озеро, где можно плавать и кататься на коньках зимой? – спросил Кристофер. Он уже успел внимательно осмотреть эту сторону холма. – Пожалуй, для лыж это не лучшее место, слишком много деревьев и скалистых выступов.

– Да, – ответила мама, – примерно в четверти мили отсюда есть небольшое озеро.

И она жестом указала направление.

Мы обошли кругом громаду дома, ступая почти на цыпочках. Когда мы оказались у черного входа, нас впустила пожилая женщина.

Скорее всего, она ждала нас, потому что нам даже не пришлось стучать. Мы тихонько

прокрались внутрь, как ночные воры. При этом женщина не произнесла ни слова приветствия. Может, это одна из служанок? Я опять была озадачена.

Мы немедленно оказались внутри темного дома, и женщина повела нас по узким низким ступеням.

– Но уверена ли ты, что они достаточно умны? Может быть, у них есть скрытые от глаз отклонения?

– Ничего подобного! – обиженно воскликнула мама. – Мои дети полноценны умственно и физически, и ты это прекрасно видишь!

Сверкнув глазами на женщину в сером, она опустилась на колени и начала раздевать Кэрри, которая уже клевала носом. Потом она перешла к Кори и расстегнула его голубую курточку. Кристофер между тем положил один из чемоданов на большую кровать, одну из стоявших в комнате. Он открыл его и достал два желтых комплекта из рубашек и штанишек – пижамы для близнецов.

Помогая Кори раздеться и надеть пижаму, я незаметно разглядывала высокую крупную женщину, которая, по всей видимости, была нашей бабушкой. Осматривая ее лицо в поисках морщин или тяжелых складок на подбородке, я пришла к выводу, что она не такая старая, как мне показалось вначале. Ее волосы имели голубоватый стальной оттенок и, крепко-накрепко стянутые сзади, делали разрез глаз продолговатым. В нем было что-то кошачье. Было заметно, что каждая прядь волос небольшими клинышками подтягивает вверх отчаянно сопротивляющуюся кожу: пока я смотрела, один волос даже выбился, освободившись от заколок.

Ее нос напоминал орлиный клюв, плечи были очень широкими, а рот был как будто прорезан кривым острым ножом. В ее облике не было ничего мягкого или уступчивого, даже груди под платьем смотрелись как железобетонные. Чувствовалось, что с ней шутки плохи, и вряд ли можно было надеяться на отношения, подобные нашим отношениям с папой или мамой.

Мне она совсем не понравилась.

Мне захотелось домой. Губы у меня неожиданно задрожали. Господи, вот бы папа снова был с нами! Как могла эта женщина произвести на свет такое доброе и нежное создание, как наша мама? От кого мама унаследовала свою красоту и жизнерадостность?

Я снова почувствовала дрожь и с трудом сдержала слезы, готовые хлынуть из глаз. Мама заранее готовила нас к встрече с нелюбящим и безразличным к нашей судьбе дедушкой, но бабушка, которая сама подготовила наш приезд, оказалась самым сильным и горьким разочарованием. Я отчаянно заморгала, чтобы Кристофер не заметил моих слез и не высмеял их потом. Я немного успокоилась, когда увидела, как мама с мягкой улыбкой укладывает в кровать уже одетого Кори, а вслед за ним, в ту же кровать, и Кэрри. Они были такими милыми, когда лежали рядом: маленькие розовощекие куколочки. Мама склонилась над ними, крепко поцеловала обоих, нежно смахнув со лба вьющиеся пряди волос, и тщательно укрыла их одеялом.

– Спокойной ночи, мои крошки, – прошептала она хорошо знакомым мне любящим голосом.

Близнецы ничего не слышали. Они уже крепко спали.

Однако, непоколебимая, как дерево, пустившее глубокие корни, наша бабушка с явным недовольством взглянула сначала на близнецов, а потом в нашу с Кристофером сторону: мы невольно жались друг к другу, тем более что нас шатало от усталости. Ее каменно-серые глаза сверкнули с явным неодобрением. В отличие от меня мама поняла ее хмурый пронзительный взгляд и вспыхнула, когда бабушка произнесла:

– Твои старшие дети не могут спать в одной постели!

– Но они всего лишь дети, – вспыхнула мама. – Похоже, ты совсем не изменилась. У тебя осталась эта отвратительная подозрительность. Кристофер и Кэти невинны!

– Невинны? – прошептала та, и ее взгляд стал острым как бритва. – Мы с отцом думали так же о тебе и твоём дяде!

Я с удивлением смотрела на них широко открытыми глазами. Крис выглядел потеряннным и беззащитным, неожиданно превратившись из почти юноши в семи-восьмилетнего ребенка. Он понимал не больше моего.

– Если ты так думаешь, предоставь им отдельные комнаты и отдельные кровати! Мне кажется, в этом доме их вполне достаточно.

– Это невозможно, – сказала бабушка своим холодным неприязненным голосом. – Это единственная спальня с отдельной ванной, расположенная таким образом, что мой муж не услышит шагов над головой или как они смывают в туалете. Если мы рассредоточим их по всему этажу, до него донесутся их голоса или какой-нибудь шум. Кроме того, их могут слышать слуги. Я все очень тщательно продумала. Это единственная безопасная комната.

Безопасная комната? Итак, мы должны были тесниться в одной-единственной комнате. В огромном, богатом доме с двадцатью, тридцатью, сорока комнатами мы будем занимать только одну? Хотя, с другой стороны, я бы не согласилась остаться одна в комнате в этом огромном здании, выстроенном для мамонтов.

– Положи девочек в одну кровать, а мальчиков в другую, – приказала бабушка.

Мама осторожно переложила Кори на свободную двуспальную кровать, устанавливая порядок, которому затем суждено было утвердиться раз и навсегда: мальчики спят у двери в ванную, мы с Кэрри – в кровати у окна.

Пожилая женщина перевела взгляд с меня на Кристофера и обратно.

– А теперь слушайте меня, – начала она тоном сержанта, проводящего занятия с солдатами. – Вы, старшие дети, будете следить за тем, чтобы ваши младшие брат и сестра вели себя тихо, и вы двое будете ответственны за нарушение правил, которые я вам сейчас изложу. Учтите, что, если дедушка слишком рано узнает о вашем существовании, он вышвырнет вас всех вон без единого предупреждения, строго наказав вас за то, что вы есть на свете! Вы будете содержать эту комнату и ванную в идеальной чистоте и порядке – так, как будто здесь никто никогда не жил. Вы будете вести себя тихо: не орать, не плакать, не бегать вокруг, чтобы внизу не трясся потолок. Когда мы с вашей матерью оставим вас сегодня ночью, я закрою за собой дверь на замок. Потому что я не желаю, чтобы вы бродили из комнаты в комнату, а тем более в другие части дома. Пока ваш дедушка жив, вы будете жить здесь, но вас как бы не существует.

О боже! Я быстро взглянула на маму, ища поддержки. Этого не может быть! Она просто хочет напугать нас. Я придвинулась ближе к Кристоферу, крепко прижалась к нему, меня бросило в холодный пот, и я вся дрожала. Бабушка немедленно нахмурилась, и я быстро отступила в сторону. Мама стояла отвернувшись, с опущенной головой. Плечи ее вздрагивали, как будто она плакала.

Меня охватила паника, и я, наверное, закричала бы, если бы мама в этот момент не обернулась. Присев на край кровати, она протянула нам с Кристофером руки. Благодарные за ее руки, привлекающие нас к себе, чтобы нежно потрепать по спине, пригладить наши растрепанные ветром волосы, мы бросились к ней.

– Все в порядке, – прошептала она. – Верьте мне: вы останетесь здесь на одну ночь, а потом мой отец с радостью примет вас в своем доме, и вы сможете распоряжаться им и садом, как своими собственными.

Затем она обернулась к своей матери, казавшейся сейчас особенно строгой, высокой, готовой запретить все на свете.

– Мама, ты должна пожалеть моих детей. Ведь в них есть и твоя кровь! Учти и ты это. Они очень хорошие, но все же они нормальные дети, они не могут не играть, не шуметь, и для этого им нужно место. Неужели ты ожидаешь, что они будут говорить шепотом? Нет необходимости запираить дверь комнаты – достаточно запереть другую, в конце коридора. И почему они не могут использовать все северное крыло? Насколько я понимаю, это самая старая часть дома и тебе она, в общем-то, безразлична.

– Коррина, здесь я принимаю решения. Ты думаешь, слуги не обратят внимания на то, что целое крыло дома закрыто, и не поинтересуются, зачем это сделано? Они знают, что

дверь в эту комнату всегда заперта, и это не вызывает у них удивления. Отсюда открывается дверь на лестницу, ведущую на чердак, и я не хочу, чтобы слуги совали нос куда не следует. Рано утром я буду приносить детям пищу и молоко – до того, как горничные и повар появятся в кухне. В северное крыло люди заходят только в последнюю пятницу каждого месяца, когда проходит генеральная уборка. В этот день дети будут прятаться на чердаке, пока горничные не закончат. До того как слуги придут убирать комнату, я сама буду проверять, остались ли какие-нибудь следы их пребывания в комнате.

Мама не сдавалась:

– Это невозможно! Они не могут не выдать себя, пойми это. Прошу тебя, запри дверь в конце коридора!

Бабушка заскрежетала зубами.

– Коррина, дай мне время! Со временем я придумаю повод закрыть все крыло целиком так, чтобы его даже не убирали. Но я должна действовать осторожно, не вызывая подозрений. Слуги не любят меня и сразу побегут к твоему отцу в надежде на поощрение. Неужели это непонятно? Закрытие этой части дома не должно совпасть с твоим приездом, Коррина.

Мама кивнула, соглашаясь. Они с бабушкой все обсуждали и обсуждали детали своего заговора, а между тем мы с Кристофером все больше хотели спать. День казался бесконечным. Я мечтала забраться в кровать вместе с Кэрри и впасть в сладкое забытие, где не существовало проблем.

Неожиданно, когда я думала, что о нас уже забыли, мама заметила, как мы устали. И нам позволили раздеться и залезть в кровать.

Мама подошла ко мне, усталая и озабоченная, с темными кругами под глазами, и крепко поцеловала меня в лоб. В уголках ее глаз мерцали слезы и, смывая тушь, темными ручейками стекали по лицу. Почему она снова плачет?

– Засыпайте, – сказала она хрипло, – засыпайте и не волнуйтесь. Не обращайтесь внимания на то, что вам пришлось услышать. Как только отец простит меня и забудет то, что я сделала, он примет вас в свои объятия. Ведь вы единственные внуки, которых он сможет увидеть, пока жив.

– Мама, – нахмурилась я, чувствуя непонятную тоску, – почему ты все время плачешь?

Она неловко смахнула слезы и попыталась улыбнуться:

– Кэти, наверное, мне потребуется больше чем один день, чтобы снова завоевать расположение моего отца. Это может занять два дня или больше.

– Больше?

– Возможно, неделю, но это крайний срок, наверняка все произойдет гораздо быстрее. Я не знаю точно, но это не должно растянуться надолго. Можете положиться на меня. – Своей мягкой рукой она пригладила мои волосы. – Кэти, радость моя, твой папа очень любил тебя, и я тебя люблю.

С этими словами она перешла к Кристоферу, чтобы приласкать его на прощание, но что она шептала ему, я уже не слышала. У двери она обернулась и пожелала нам как следует выспаться.

– Увидимся завтра, я приду к вам, как только смогу. Вы знаете мои планы. Мне придется прогуляться до станции, сесть на поезд до Шарлотсвилла, где меня ждут мои два чемодана, и рано утром я должна буду приехать сюда на такси, а когда это будет возможно, я постараюсь проникнуть сюда и увидеться с вами.

Уходя, бабушка бесцеремонно протолкнула маму в дверь впереди себя, но мама все же успела оглянуться через плечо и умоляюще взглянуть на нас, проговорив напоследок:

– Пожалуйста, ведите себя хорошо, не шумите. Слушайте бабушку, выполняйте ее указания и не заставляйте ее наказывать вас. И еще постарайтесь сделать так, чтобы близнецы тоже слушались, не плакали и не очень по мне скучали. Пусть это будет игрой, по крайней мере для них. Попробуйте развлечь их, а я привезу вам всем игрушки и настольные игры. Завтра я приеду, но все это время я буду думать о вас, любить вас и молиться за вас.

Мы пообещали, что будем паиньками, будем сидеть тихо, как мыши, и с ангельской кротостью выполнять все требования бабушки. Мы заверили ее, что сделаем все, чтобы она не сердилась на нас и близнецов.

– Спокойной ночи, мама! – сказали мы с Кристофером в один голос, пока она в нерешительности стояла в дверях. Большие, жесткие бабушкины руки лежали у нее на плечах. – Не волнуйся за нас, все будет в порядке. Мы знаем, чем занять близнецов и как развлечь самих себя. Мы уже не маленькие.

Все это говорил в основном мой брат.

– Я увижу вас завтра ранним утром, – сказала от себя бабушка, выталкивая маму в коридор и запирая дверь.

Мы остались одни, и нам стало немного страшно. Что, если начнется пожар? Пожар? Теперь я всю ночь буду думать о пожаре и о том, как убежать, если он начнется.

Запертые здесь, мы не сможем ни до кого докричаться, даже если очень захотим. Кто услышит нас в этой вечно закрытой комнате, куда люди приходят не чаще чем раз в месяц, в последнюю пятницу?

Слава богу, нас поместили сюда временно, всего на одну ночь. А потом, завтра, мама помирится со своим умирающим отцом.

Но пока мы оставались одни. Запертые снаружи. Гигантский дом вокруг нас казался чудовищем, держащим нас в острых зубах. Если мы пошевелимся, будем шептать или тяжело дышать, оно нас проглотит и переварит.

Я с нетерпением ждала прихода сна. Бесконечная, гнетущая тишина становилась невыносимой. Первый раз в жизни я не заснула, как только голова коснулась подушки. Кристофер первым нарушил тишину, и мы начали шепотом обсуждать наше положение.

– Все не так плохо, – начал он, поблескивая в полумраке светлыми глазами. – Думаю, бабушка не такая страшная, как кажется. Не верится, чтобы она была такой!

– То есть тебе она тоже не показалась доброй старушкой?

Он усмехнулся:

– Да, доброй-предоброй. Как удав боа.

– Она такая огромная! Как ты думаешь, сколько она ростом?

– Господи, даже не знаю. Может быть, шесть футов. И весом фунтов двести.

– Какое там! Семь футов и пятьсот фунтов весом.

– Кэти, когда ты научишься не преувеличивать? Перестань делать из мухи слона. Посмотри на ситуацию реально. Мы просто заперты в одной из комнат большого дома. Мы проведем здесь одну ночь, пока мама не вернется.

– Кристофер, ты слышал, что она сказала о каком-то дяде? Ты понял, что она имела в виду?

– Нет, но мама нам все объяснит. Теперь помолись и засыпай. В конце концов, это все, что мы можем сделать.

Я встала с кровати, опустилась на колени и сложила ладони под подбородком. Крепко закрыв глаза, я долго и страстно молилась, чтобы Господь помог маме быть обаятельной и обезоруживающе прекрасной.

– И, Господи, сделай так, чтобы дедушка не был таким же злым и неприязненным, как его жена.

После этого, усталая и обуреваемая множеством эмоций, я прыгнула в кровать и, крепко обняв Кэрри, провалилась в сон.

Бабушкин дом

Рассвет тускло забрезжил за тяжелыми шторами. Нам запретили их открывать.

Кристофер проснулся первым и сел на кровати, зевая, потягиваясь и улыбаясь мне.

– Привет, взъерошенная! – сказал он.

Его собственные волосы были такими же растрепанными, как у меня, если не хуже. Не

знаю, почему Бог распорядился так, что у Кристофера и Кори были очень курчавые волосы, а у нас с Кэрри – только немного волнистые. Будучи мальчишкой, мой брат отчаянно пытался распрямить свои кудри, а я, глядя на него, думала, как было бы хорошо, если бы они оказались на моей голове.

Приподнявшись, я оглядела комнату размером примерно шестнадцать на шестнадцать футов. Она была просторной, но из-за всей этой мебели: двух двуспальных кроватей, высокого массивного комода на ножках, обычного комода с зеркалом, двух мягких кресел, туалетного столика между окнами со своим отдельным стульчиком, стола из красного дерева, к которому прилагались четыре дополнительных стула, – из-за всего этого она казалась маленькой и доверху забитой барахлом. Между двумя большими кроватями находился еще один столик с настольной лампой. Всего в комнате было четыре лампы. Пол под всей этой темной громоздкой мебелью был застелен линиялым восточным ковром с золотым орнаментом по краям. Когда-то красивый, сейчас он выглядел старым и изношенным. Стены были оклеены бумажными обоями кремового цвета с белым рисунком. Покрывала на кроватях были золотистого цвета и сделаны из какого-то тяжелого материала вроде простеганного атласа.

На стенах висели три картины. Боже праведный, от одного взгляда на них захватывало дыхание! Гротескные демоны преследовали обнаженных людей в подземных пещерах огненно-красного цвета. Неправдоподобно страшные чудовища терзали остальные заблудшие души. Все еще шевелящиеся конечности торчали из оскаленных пастей с длинными, острыми, сверкающими клыками.

– То, что ты сейчас рассматриваешь, – это ад, каким его кое-кто представляет. Ставлю десять против одного, наша ангелоподобная бабушка сама повесила эти репродукции, чтобы напомнить нам, что нас ждет, если мы ослушаемся. Похоже на картины Гойи, – добавил Крис.

Мой брат действительно знал все. Кроме его главной мечты – стать врачом, он лелеял еще одну – стать художником. Он исключительно хорошо рисовал, писал акварелью, масляными красками и так далее. Ему хорошо удавалось практически все, кроме уборки и ухода за собой.

Как только я попыталась встать и пройти в ванную, Кристофер вскочил с кровати и, естественно, опередил меня. Ну почему нас с Кэрри разместили так далеко от ванной? В нетерпении я села на край кровати, болтая ногами, и стала ждать, когда он выйдет.

Кэрри и Кори беспокойно заворочались и одновременно проснулись. Они сели и начали зевать, глядя друг на друга, как в зеркало, тереть глаза и сонно озираться по сторонам. Потом Кэрри решительно произнесла:

– Мне здесь не нравится!

Это было неудивительно. Кэрри родилась с определенным мнением обо всем на свете. Еще не начав говорить (а заговорила она в девять месяцев), она точно знала, что она любит, а чего терпеть не может. Для нее не существовало золотой середины: все было или прекрасным, или непереносимо отвратительным. Когда она была довольна, ее голос звучал сладко, как у маленькой птички, щебечущей утром. Правда, щебетание прекращалось, только когда Кэрри ложилась спать. В остальное время она постоянно разговаривала – с куклами, чайными чашками, плюшевыми медведями и другими предметами. Все, что не двигалось с места и не отвечало на вопросы, становилось ее собеседником. В конце концов я просто перестала обращать внимание на ее болтовню, слушая вполуха и не слыша.

Кори был совершенно другим. Пока Кэрри болтала с вещами, он сидел и внимательно слушал. Я вспомнила, как миссис Симпсон сказала о Кори: «В тихом омуте черти водятся». Я не совсем поняла, что она имела в виду, но молчаливые люди действительно источают таинственность, и ты невольно начинаешь гадать, что скрыто под невозмутимой поверхностью.

– Кэти, – повторила маленькая сестренка, повернув ко мне почти младенческое личико, – ты слышала, что я сказала? Мне здесь не нравится.

Услышав это, Кори выбрался из своей кровати, прыгнул на нашу и прижался к сестренке-близняшке, широко открыв испуганные глаза. В своей обычной серьезной манере он задал вопрос:

- Как мы сюда попали?
- Приехали прошлой ночью на поезде. Разве ты не помнишь?
- Нет, не помню.
- Потом мы шли через лес при лунном свете. Было очень красиво.
- Где солнце? Сейчас все еще ночь?

Солнце пряталось за шторами. Но я знала, что, стоит мне сказать об этом Кори, он обязательно захочет открыть их и выглянуть наружу. А стоит ему выглянуть, он немедленно захочет выйти. Я не знала, что ему ответить.

В это время заскрежетал дверной замок, и мне не пришлось выпутываться из этого положения. Наша бабушка внесла в комнату большой поднос с едой, закрытый широким белым полотенцем. Очень коротко и небрежно она пояснила, что не может постоянно бегать вверх и вниз по лестницам с тяжелыми подносами. Только один раз в день. Если она начнет ходить слишком часто, слуги могут обратить внимание.

– Наверное, со следующего раза я буду пользоваться корзинкой для пикника, – сказала она, поставив поднос на маленький столик.

Обернувшись ко мне, как будто я отвечала за раздачу пищи, она объявила:

– Ты будешь следить за тем, чтобы этого хватило на весь день. Раздели это на три раза. Бекон, яйца и овсяные хлопья – на завтрак. Сэндвичи и горячий суп в термосе – на обед, а жареный цыпленок, картофельный салат и зеленые бобы – на ужин. На десерт можете съесть фрукты. В конце дня, если вы не будете шуметь и будете вести себя хорошо, я принесу вам мороженое и печенье или торт. Никаких конфет. Нельзя допустить, чтобы у вас портились зубы. Пока ваш дедушка не умрет, мы не сможем отвести вас к дантисту.

Кристофер вышел из ванной, полностью одетый, и удивленно уставился на бабушку, которая могла так спокойно, без тени сожаления, говорить о смерти своего мужа. Впечатление было такое, как будто она говорила о золотой рыбке где-нибудь в Китае, умирающей у себя в аквариуме.

– И не забывайте каждый раз чистить зубы после еды, – продолжала она, – аккуратно причесываться и полностью одеваться в чистую одежду. Я терпеть не могу замарашек с грязными руками и сопливыми носами.

Пока она это говорила, у Кори из носа текли сопля. Я тайком вытирала их салфеткой. Бедный Кори, он почти все время страдал сенной лихорадкой, а бабушка ненавидела сопливых детей.

– И ведите себя скромно в ванной! – сказала она, глядя особенно напряженно на меня, а затем на Кристофера, который стоял, опираясь на дверной косяк у входа в ванную. – Мальчикам и девочкам нельзя пользоваться ванной вместе.

Я почувствовала, как горячая кровь приливает к моим щекам. За кого она нас принимает?

Затем мы услышали фразу, которая впоследствии звучала вновь и вновь, как с испорченной пластинки:

– И помните, дети, Бог видит все! Он увидит все нехорошее, что вы делаете за моей спиной. И если я не накажу вас, то Бог обязательно накажет!

Из кармана платья она достала листок бумаги.

– Находясь у меня в доме, вы должны следовать этим правилам.

Она положила листок на стол и сообщила, что мы должны прочитать и запомнить правила. Она уже развернулась, собираясь уходить, но потом направилась к гардеробной, которую мы еще не успели осмотреть.

– Дети! За этой дверью в дальней стенке гардеробной есть маленький вход на чердак. Там достаточно места, чтобы побегать и в меру пошуметь. Но вам не разрешается подниматься туда до десяти часов. До этого времени горничные занимаются уборкой на

втором этаже, и они могут услышать шум над головой. Всегда помните, что вас могут услышать внизу, если вы будете слишком шуметь. После десяти слугам запрещено появляться на втором этаже. Кто-то из них занялся воровством. Пока вора не поймают с поличным, я постоянно наблюдаю за уборкой спальных комнат. В этом доме действуют свои правила, и мы сами осуществляем наказание провинившихся. Вчера я уже говорила вам, что в последнюю пятницу каждого месяца вы будете уходить на чердак очень рано и тихо сидеть, не разговаривая и не топая ногами, поняли?

Она по очереди взглянула на каждого из нас, словно желая запечатлеть свои слова у нас в памяти злым, жестоким взглядом. Мы с Кристофером кивнули. Близнецы молча глядели на нее во все глаза замороженным, почти боготворящим ее взглядом. Затем она проинформировала нас, что по этим дням будет проверять нашу комнату и ванную, чтобы мы ничего не оставили, уходя.

Закончив, она удалилась и снова заперла за собой дверь.

Мы смогли отдышаться.

Сосредоточившись, я попыталась превратить все это в шутку:

– Кристофер Долл, я назначаю тебя отцом.

Он засмеялся и с иронией подхватил:

– Ну а как же иначе? В качестве мужчины и главы семьи хочу довести до вашего сведения, что мне следует прислуживать на каждом шагу, как если бы я был королем. Жена, находясь в моем подчинении, накрывает на стол, накладывает еду на тарелки, готовит все для своего хозяина и господина.

– Повтори, что ты сказал, брат мой.

– С этого момента я не брат, а твой властитель, и ты выполняешь мои приказы, каковы бы они ни были.

– А если я их не выполню, как ты поступишь, хозяин и властитель?

– Мне не нравится твой тон! Ты должна обращаться ко мне уважительно.

– Ла-ди-да и хо-хо-хо! Я начну обращаться к тебе уважительно, когда ты завоюешь мое уважение. А это случится, когда ты вырастешь высотой в двенадцать футов, луна появится в полдень, а метель принесет благородного рыцаря на единороге в белоснежных сияющих доспехах и с зеленой драконовой головой на кончике копья!

Сказав это, я удовлетворенно посмотрела на его обескураженное лицо, поймала Кэрри за руку и высокомерно направилась в ванную. Мы стали умываться, одеваться и причесываться, не обращая внимания на бедного Кори, отчаянно просившегося к нам:

– Пожалуйста, Кэти! Позволь мне зайти! Я не буду смотреть!

В конце концов нам надоело торчать в ванной, мы вышли и – невероятно, но факт – увидели Кристофера и Кори полностью одетыми. Кори уже не нужен был туалет.

– Что случилось? – спросила я. – Только не вздумай сказать мне, что ты сделал это в кровати.

Кори молча указал мне на большую синюю вазу, в которой не стояли цветы.

Кристофер, довольный собой, прислонился к комоду, сложив руки на груди.

– Этот пример научит тебя никогда не игнорировать мужчину в нужде. Мы не так пассивны, как вы, женщины. В сложных ситуациях мы используем все, что под рукой.

Перед тем как позволить всем приступить к завтраку, я вылила содержимое синей вазы и как следует сполоснула ее. В самом деле, было бы неплохо держать ее у кровати Кори на всякий случай.

Мы расселись за круглым столиком для игры в карты, стоящим у окна. Чтобы близнецы видели, что они едят, мы посадили их на сложенные по две подушки. Все четыре лампы были зажжены, но, несмотря на это, было неприятно завтракать в сумерках.

– Веселей, не делай пресное лицо, – сказал мой непредсказуемый старший брат. – Я пошутил. Тебе не надо быть моей рабыней. Мне просто нравятся перлы, которые ты выдаешь, если тебя спровоцировать. Признаю, что Бог наделил вас, женщин, исключительным многословием, зато мы, мужчины, получили прекрасный инструмент для

выведения шлаков на открытом воздухе.

И, чтобы доказать, что он не собирается становиться несносным тираном, он помог мне разлить молоко, обнаружив, как и я некоторое время назад, что держать почти галлоновый термос и не пролить его содержимое – дело не из легких.

Кэрри взглянула на яичницу с беконом и сразу же начала ныть:

– Мы не любим яиц с беконом. Нам нравятся холодные овсяные хлопья! Мы не будем есть эту жирную, горячую, гадкую еду-у-у! Мы любим холодные овсяные хлопья! – вопила она. – Холодные овсяные хлопья с изюмом!

– А теперь слушайте меня, – сказал их новый, уменьшенный отец. – Вы будете есть то, что перед вами, и не жаловаться, и сейчас же перестаньте плакать и скулить! Понятно? Кроме того, все уже давно не горячее, а холодное. Можете соскрести жир, он все равно твердый.

Не успели мы и глазом моргнуть, как Кристофер проглотил свою порцию холодной жирной пищи плюс поджаренный хлеб без масла. Близнецы по неизвестной мне причине съели завтрак, ни разу не пожаловавшись. У меня было неприятное предчувствие, что в дальнейшем с ними не все будет так гладко. Сейчас на них произвела впечатление решительность, проявленная их старшим братом, но потом...

Завтрак был окончен, и я аккуратно сложила тарелки обратно на поднос. Только тогда я вспомнила, что мы забыли помолиться. Мы быстро собрались вокруг стола, сложили руки и склонили головы.

– Господи, прости нас за то, что мы не попросили у тебя позволения начать трапезу. Пожалуйста, не говори об этом бабушке. Мы клянемся сделать все как положено в следующий раз. Аминь!

Закончив, я передала Крису свод бабушкиных правил, тщательно выписанных печатными буквами, как будто мы не могли понять обычного почерка.

Чтобы близнецы, вчера пребывавшие в полудреме, осознали, что их ждет, мой брат начал читать правила, которые нельзя нарушать, а не то!..

Предварительно он сложил губы в подобие бабушкиной гримасы. Трудно было поверить, что его идеальной формы рот может выглядеть таким злобным, но каким-то образом ему удалось передать ее суровость.

– «Пункт первый, – начал он холодно и без выражения. – Вы всегда должны быть полностью одеты».

При этом он сделал ударение на слове «всегда», так что пункт показался совершенно невыполнимым.

– «Пункт второй: вы никогда не должны произносить имя Господне всуе и каждый раз перед едой должны произносить молитву. И поскольку я не могу постоянно наблюдать за вами, помните, что Он видит и слышит все.

Пункт третий: вам запрещается открывать шторы или выглядывать в щель между ними.

Пункт четвертый: вы никогда не будете заговаривать со мной первыми.

Пункт пятый: вы будете содержать эту комнату в порядке и чистоте. Кровати должны быть постоянно убраны.

Пункт шестой: вы не должны сидеть без дела. Каждый день вы будете посвящать пять часов учебе, а остальное время использовать для развития своих способностей достойным образом. Если у вас имеются навыки, способности или таланты, вы будете совершенствоваться в них, а если нет, то вы будете читать Библию. Если вы не можете читать, то вам предписывается сидеть, напряженно смотреть на Библию и пытаться, предаваясь чистым помыслам, постигнуть пути Господни.

Пункт седьмой: вы должны чистить зубы каждый день после завтрака и перед отходом ко сну.

Пункт восьмой: если я замечу, что мальчики и девочки пользуются ванной одновременно, я, ни минуты не колеблясь, без всякой жалости спущу шкуру с ваших спин».

Мое сердце перевернулось вверх ногами. Что же это за бабушка?

– «Пункт девятый: вы, все четверо, должны соблюдать скромность и благоразумие во всем и всегда: в поведении, в речи, в мыслях.

Пункт десятый: вы не должны трогать свои половые органы или играть с ними, воспрещается смотреть на них в зеркало и думать о них, даже когда вы их моете».

Нимало не смутившись, с веселым блеском в глазах, Кристофер продолжал читать, изображая бабушку:

– «Пункт одиннадцатый: вам не разрешается позволять недобрым, греховным или похотливым мыслям укореняться в вашей голове. Вы должны сохранять свои помыслы чистыми и избегать думать о вещах, которые наносят вред вашей морали.

Пункт двенадцатый: вы обязаны воздерживаться от взглядов на представителей противоположного пола, кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо.

Пункт тринадцатый: те из вас, кто может читать, а я надеюсь, что по крайней мере двое могут, будут по очереди читать вслух отрывки из Библии, как минимум по одной странице в день, чтобы младшие дети приобщились к учению нашего Господа.

Пункт четырнадцатый: вы будете купаться каждый день и тщательно мыть ванну после купания, поддерживая ванную комнату в том состоянии, в каком вы ее нашли, без единого пятнышка.

Пункт пятнадцатый: все, включая близнецов, обязаны выучивать хотя бы по одной цитате из Библии в день. И быть способными по моей просьбе повторить ту цитату, которую я выберу, когда начну следить за тем, какие отрывки вы читаете.

Пункт шестнадцатый: вы не должны оставлять ни единой крошки из той пищи, которую я вам приношу, или выбрасывать что-либо. Тратить добрую пищу без нужды греховно, когда стольким в мире ее недостает.

Пункт семнадцатый: запрещается ходить по спальне в ночной одежде, даже если вы направляетесь из постели в ванную комнату или обратно. Вы всегда должны надевать халат поверх вашей ночной пижамы или поверх нижнего белья в том случае, если вам нужно неожиданно покинуть ванную, чтобы ею воспользовался другой ребенок. Я требую, чтобы все, кто живет под этой крышей, были скромны и благоразумны во всем и всегда.

Пункт восемнадцатый: когда я вхожу в комнату, вы должны стоять смирно, вытянув руки по швам и не сжимая кулаки с целью показать молчаливое сопротивление. Вам также запрещается смотреть мне в глаза, оказывать мне знаки привязанности или пытаться завоевать мою дружбу, жалость или сострадание. Все это невозможно. Ни ваш дедушка, ни я не можем позволить себе испытывать какие-то чувства к тому, что нечисто».

О боже! Эти слова жалили в самое сердце! Даже Кристофер запнулся, и по его лицу промелькнула тень отчаяния, но быстро сменилась усмешкой, когда наши глаза встретились. Он пощекотал Кэрри, и она засмеялась, потом ущипнул Кори за нос, и тот тоже развеселился.

– Кристофер, – встревоженно сказала я, – нашей маме никогда не удастся завоевать любовь своего отца! И очень маловероятно, что он захочет посмотреть на нас! Но почему? Что мы сделали? Нас не было, когда наша мама «лишилась расположения», сделав что-то столь ужасное, что он лишил ее наследства! Почему они ненавидят нас?

– Успокойся, – сказал Кристофер, еще раз пробегая глазами список. – Не принимай это слишком близко к сердцу. Она ненормальная, больная. Вряд ли такой умный человек, как наш дедушка, может разделять идиотские взгляды своей жены. Иначе как бы он заработал миллионы долларов?

– Может, он не заработал их, а унаследовал?

– Ну да, мама говорила, что он унаследовал кое-что, однако он увеличил свое состояние в сотни раз, поэтому у него наверняка есть мозги в голове. Но ему не повезло, и он получил в жены эту чокнутую.

Он ухмыльнулся и продолжил читать:

– «Пункт девятнадцатый: когда я буду приходить в эту комнату с молоком и пищей для вас, вы не будете смотреть на меня, говорить со мной или неуважительно думать обо мне

или вашем дедушке, потому что над нами есть Бог и Он читает ваши мысли. Мой муж – очень целеустремленный человек. Никому не удавалось превзойти его в чем-то. Его обслуживает армия докторов, сиделок и техников. Специальные машины подключаются в случае, если его органы не работают, поэтому не думайте, что этого железного человека может провести какое-то ничтожество!»

О ужас! Мужчина из стали в дополнение к такой же женщине. Наверное, у него такие же серые, непроницаемые глаза. Пример наших мамы с папой доказал, что похожие люди прекрасно сосуществуют.

– «Пункт двадцатый, – читал Кристофер. – Вам не разрешается прыгать, кричать или разговаривать громким голосом, чтобы слуги внизу не услышали вас. Вы никогда не будете носить туфли на твердой подошве, только спортивные тапочки.

Пункт двадцать первый: вы должны экономить туалетную бумагу и мыло. Вы будете сами прочищать пробки в канализации, когда унитаз засорится. Если вы выведете его из строя, он будет оставаться в таком же состоянии, пока вы не покинете этот дом. В этом случае вы будете пользоваться ночными горшками, которые найдете на чердаке. Ваша мать будет опустошать их за вас.

Пункт двадцать второй: как мальчики, так и девочки будут сами стирать свою одежду в ванне. Ваша мать позаботится о постельном белье и полотенцах. Наматрасники будут меняться один раз в неделю, и если ребенок испачкает их, я прикажу вашей матери использовать прорезиненные, а ребенок, которого не приучили ходить в туалет, будет строго наказан».

Я вздохнула и обняла Кори, который затрясся и прижался ко мне, услышав последние слова.

– Ш-ш-ш! Не бойся! Она никогда не узнает о том, что ты сделал. Мы защитим тебя. Мы найдем способ скрыть твои ошибки, если ты будешь их делать.

Крис продолжал:

– Тут есть заключение, и это не требование, а предупреждение. Вот что она написала: «Вы не ошибетесь, если сделаете вывод, что в случае необходимости я буду добавлять к этому списку новые правила. Не думайте, что сможете обмануть или провести меня либо сыграть какую-нибудь шутку на мой счет, потому что, если вы осмелитесь, на вашей коже и в вашем сознании останутся шрамы на всю жизнь и ваша гордость будет побеждена и уничтожена. И с этого момента я запрещаю произносить в моем присутствии имя вашего отца или ссылаться на него каким-то образом. Со своей стороны, я буду стараться не смотреть на ребенка, который больше всего напоминает его».

На этом список заканчивался. Я бросила на Кристофера вопросительный взгляд. Сделал ли он из последнего абзаца тот же вывод, что и я? Похоже, по какой-то причине наш отец был виновен в том, что нашу маму лишили наследства и так возненавидели.

Понял ли он также, что мы будем оставаться здесь взаперти очень и очень долго?

О боже, боже, боже! Я не смогу вынести и неделю.

Мы не были порождением дьявола, но, безусловно, не были и ангелами! И мы были нужны друг другу. Нам было необходимо смотреть друг на друга, касаться друг друга.

– Кэти, – спокойно сказал мой брат, хитро улыбаясь уголками губ.

Близнецы не сводили с нас глаз, попеременно глядя то на него, то на меня, ежесекундно готовые разделить нашу радость или панику.

– Неужели мы такие уродливые и настолько лишены обаяния, что старуха, совершенно явно ненавидящая нашу маму, как и отца, по причине нам неизвестной, будет вечно настроена против нас? Она же притворяется, обманывает. Она не имеет в виду того, о чем пишет.

Он указал на список, из которого уже успел сложить самолетик и запустить в сторону комода.

– Неужели мы должны верить этой старой женщине, которая явно не в своем уме и которую надо изолировать от людей? Или все-таки мы должны верить женщине, которая

любит нас, которую мы знаем и которой доверяем? Наша мама позаботится о нас. Она знает, что делает, здесь на нее можно положиться.

Конечно, он был прав. Мы должны полностью доверять маме и полагаться на нее, а не на эту сумасшедшую с ее идиотскими идеями, глазами, похожими на ружейные дула, и кривым ртом, будто прорезанным ножом.

Очень скоро дедушка сдастся, простит маму, и мы спустимся к нему в нашей лучшей одежде, со счастливыми улыбками. И, увидев нас, он поймет, что мы не безобразны, не глупы, а, напротив, достаточно нормальны, чтобы немного нравиться. Или быть любимыми. Кто знает, может, когда-нибудь у него в сердце найдется место для любви к внукам.

Чердак

Десять утра.

Мы сложили остатки еды в самом холодном месте, какое нам удалось найти, – под комодом. Слуги уже наверняка закончили убирать кровати и наводить порядок на верхних этажах в других частях дома. В следующий раз они поднимутся туда через двадцать четыре часа.

Мы устали от комнаты, в которой были заперты, и горели желанием исследовать остальную часть наших ограниченных владений. Взяв за руки близнецов, мы с внутренним трепетом направились к гардеробной, где до сих пор лежали чемоданы с нашей одеждой. Мы не собирались распаковывать их: когда у нас будут вместительные апартаменты, слуги сделают это в наше отсутствие, как обычно бывает в фильмах. Мы все еще верили, что в следующую субботу, когда слуги придут убирать нашу комнату, нас здесь уже не будет, нас освободят.

Мой старший брат первым начал подниматься по узким ступеням темной лестницы, держа за руку младшего, чтобы тот не споткнулся и не упал. Мы с Кэрри, вцепившейся в мою руку, следовали по пятам за ними. Проход был таким узким, что мы все время касались стен плечами.

Наконец мы достигли цели.

Конечно, до этого мы видели чердаки, кто их не видел? Но не такие, как этот.

Мы стояли как вкопанные и ошеломленно оглядывались вокруг. Огромный, сумрачный, пыльный, этот чердак тянулся на целые мили! Противоположная стена находилась так далеко, что ее трудно было разглядеть. Воздух был тяжелым и неприятно пах разложением, старыми, гниющими вещами, уже мертвыми и не преданными земле. Витавшие в нем облака пыли делали все очертания зыбкими и колеблющимися. Казалось, все предметы на чердаке двигались, жили собственной жизнью, особенно в отдаленных темных углах.

Спереди и сзади было по четыре слуховых окна. По бокам, насколько мы могли видеть, окон не было, правда, некоторые пристройки нельзя было рассмотреть из-за удаленности, а мы боялись двинуться вперед сквозь жару и духоту этого места.

Однако постепенно, шаг за шагом, мы стали продвигаться вперед, удаляясь от лестничного колодца.

Пол был сделан из широких досок, мягких и трухлявых. Каждый раз, осторожно ступая на них, мы видели, как какие-то маленькие создания разбегаются у нас из-под ног. На чердаке было достаточно мебели, чтобы обставить несколько домов. Темной, массивной мебели. А ночных горшков и кувшинов в больших мисках было, наверное, двадцать или тридцать штук. Чуть подальше стояла круглая деревянная емкость, напоминающая ванну, обитая по краям железом. Интересно, как в ней мылись?

Все, что представляло какую-то ценность, было закрыто чехлами, серыми от пыли. Эти чехлы вызывали у меня небольшую дрожь – такими странными, жуткими казались они, похожие на призраки вещей, бесконечно перешептывающиеся между собой. Я не хотела слышать, о чем они шептали.

Вдоль одной стены во всю ее длину выстроились несколько дюжин старых, перетянутых кожаными ремнями сундуков, покрытых наклейками с иностранными названиями. Наверное, каждый из них объехал вокруг света не один раз. Сундуки были очень большими и вполне подошли бы в качестве гробов.

Гигантские шкафы-арсеналы молчаливо подпирали противоположную стену. Проверив их, мы обнаружили в каждом массу старинной одежды. В одном была военная форма конфедератов и союзных войск – двух воюющих сторон в Гражданской войне. Мы с Крисом стали активно обсуждать, как это могло случиться. Близнецы стояли, прижавшись к нам и глядя вокруг большими, испуганными глазами.

– Ты думаешь, наши предки никак не могли определить, на чьей стороне сражаться в Гражданской войне, Кристофер?

– Правильнее сказать, войне между штатами.

– Думаешь, кто-то из них был шпионом?

– Откуда я знаю?

Загадки, загадки – везде и повсюду. Видимо, брат шел на брата – неплохое открытие из семейной истории. Было бы интересно найти их дневники.

– Посмотри-ка, – сказал Кристофер, доставая мужской шерстяной костюм кремового цвета с коричневыми бархатными лацканами, отделанный по краям более темным коричневым атласом.

Он встряхнул костюм. Отвратительные крылатые создания полетели из него во все стороны, несмотря на запах средства против моли. Мы с Кэрри резко отскочили.

– Не будьте младенцами! – сказал Крис, нимало не испуганный. – Моль, которую вы видели, не приносит никакого вреда. Дыры в одежде проедают личинки.

Но мне было все равно. Насекомые есть насекомые, взрослые или дети, не важно. Трудно сказать, почему его так заинтересовал этот проклятый костюм. Зачем нужно было вытаскивать его, чтобы выяснить, как застегивалась в те времена ширинка – на молнию или на пуговицы?

– Господи, – сказал он, – как, наверное, трудно было каждый раз расстегивать эти пуговицы!

Таково было его мнение.

На мой же взгляд, в старые времена люди знали толк в одежде. Как я мечтала походить в отделанной оборками сорочке поверх панталон, с дюжиной изящных юбок на проволочных обручах, украшенных снизу доверху оторочками, кружевами, вышивкой, воздушными лентами из бархата и атласа, а довершил бы это ослепительно-красивое убранство кружевной зонтик от солнца, чтобы оттенить мои золотые кудри и защитить от солнца мою нежную гладкую кожу. И еще я буду носить с собой веер, чтобы элегантно обмахиваться им, и мои веки при этом будут трепетать, очаровывая всех подряд. О, какая я тогда буду красавица!

Подавленные огромностью чердака, близнецы долго молчали, но тут Кэрри не выдержала и издала вопль, оторвавший меня от сладких раздумий. Я снова оказалась в реальности, которая мне совсем не нравилась.

– Здесь очень жа-а-арко, Кэти!

– Да, так и есть.

– Мне здесь не нравится!

Я взглянула на Кори – прижавшись ко мне, он с восхищением смотрел вверх и по сторонам, – взяла его и Кэрри за руки, и мы отправились дальше исследовать, что еще мог предложить нам этот чердак. А предложить он мог довольно много.

Тысячи старых книг, сложенных в стопки, потемневшие от времени грессбухи, письменные столы для офисов, два прекрасных пианино, радио, фонографы, картонные коробки, наполненные никому не нужными принадлежностями давно ушедших поколений. Платья всех видов и размеров, птичьи клетки и подставки для них, лопаты, грабли, фотографии в рамках с изображением бледных и болезненно выглядящих людей, видимо

наших умерших родственников. У некоторых были темные волосы, у некоторых – светлые. Глаза были самыми разными: пронзительными, жестокими, твердыми, печальными, полными горечи, томными, безнадежными, пустыми, но, клянусь, как я ни старалась, я не могла найти ни одной пары счастливых глаз. Некоторые улыбались, но большинство – нет. Меня особенно привлекло изображение девушки лет восемнадцати, она улыбалась едва заметной, загадочной улыбкой, напоминающей улыбку Моны Лизы, только эта девушка была более красивой. Ее пышный бюст очень впечатляюще выпирал над гофрированным лифом. Кристофер уверенно указал на одно из платьев и объявил:

– Ее!

Я взглянула в ту сторону.

– Смотри, – продолжал он восторгаться, – вот это действительно фигура в форме песочных часов! Посмотри: осиная талия, широкие бедра, пышная грудь. С такими пропорциями, Кэти, можно без труда сделать состояние!

– На самом деле, – сказала я с отвращением, – ты просто ничего не знаешь. Это не естественная фигура. Она носит корсет, который так стянут на талии, что сверху и снизу все выпирает, как из тюбика. Именно из-за корсетов женщины так часто падали в обморок и посылали за нюхательной солью.

– Как можно послать за нюхательной солью, если ты в обмороке? – спросил он с сарказмом. – И, кроме того, сверху, хоть с корсетом, хоть без корсета, не может выпирать то, чего там нет. – Он снова оглядел изящную молодую женщину. – Знаешь, она чем-то похожа на маму. Если бы она по-другому укладывала волосы и носила современную одежду, она была бы ее точной копией.

Ну уж! Наверное, нашей маме не пришло бы в голову страдать от стягивающей грудь железной клетки, чтобы кому-то понравиться!

– Но эта девушка просто хорошенькая, – заключил Кристофер. – Наша мама настоящая красавица.

В огромном помещении было так тихо, что слышалось биение сердца. Пожалуй, было бы интересно исследовать все сундуки, заглянуть во все коробки, примерить по очереди все эти гниющие изошренные одеяния и фантазировать, фантазировать, фантазировать! Но было так жарко, душно, пыльно! Мои легкие уже доверху наполнились грязным, пыльным воздухом чердака.

Кроме того, по углам и с потолочных брусьев тут и там свисала паутина, а по стенам и полу ползали гадкие насекомые. Я пока не видела ни одной крысы или мыши, но подумала, что они тут точно есть. Однажды по телевизору мы смотрели фильм о человеке, который сошел с ума и повесился на перекладине на чердаке. В другом фильме муж засунул жену в сундук с замками, обитый медью, как раз в такой, что мы здесь видели, а потом захлопнул крышку и оставил ее там умирать. Я снова опасно взглянула на сундуки, подумав о том, какие секреты, о которых не должны были знать слуги, те скрывали.

Мой брат смотрел на меня проницательным, любопытным взглядом. Я попыталась скрыть свои чувства, но он уже все понял. Он подошел ближе и, поймав мою руку, сказал голосом, очень похожим на папин:

– Все будет в порядке, Кэти. Для всего этого наверняка найдутся простые объяснения.

Я медленно обернулась, удивленная тем, что он успокаивает, а не дразнит меня.

– Ты ведь тоже считаешь, что бабушка ненавидит нас. Почему? И почему дедушка тоже должен ненавидеть нас? Что мы им сделали?

Он пожал плечами, озадаченный не меньше моего. Все еще держась за руки, мы повернулись, чтобы снова окинуть взглядом чердак. Даже наши непривычные глаза могли различить те места, где к старому дому добавлялись новые секции. Толстые квадратные колонны разделяли чердак на части. Я подумала, что, походив взад и вперед по чердаку, можно найти место, где будет больше свежего воздуха и легче дышать.

Близнецы уже начали чихать и кашлять. Они с укором смотрели на нас, недовольные тем, что мы заставляем их находиться в таком месте.

– Послушай, – сказал Кристофер, когда близнецы начали громко жаловаться, – мы можем приоткрыть окна на несколько дюймов, чтобы впустить сюда немного свежего воздуха. Снизу этого никто не заметит.

Он отпустил мою руку и побежал вперед, перепрыгивая через коробки, сундуки, мебель и явно выделяясь, а я стояла замерев и держала за руки малышкой, испуганных видом места, в которое их привели.

– Посмотри, что я нашел! – позвал меня Кристофер, когда я уже потеряла его из виду. В его голосе слышалось возбуждение. – Сейчас вы получите возможность оценить мое открытие.

Мы побежали к нему, готовые увидеть нечто веселое, интересное, потрясающее, но то, что он нам показал, оказалось комнатой – настоящей комнатой с гипсовыми стенами. Ее никогда не красили, но у нее был настоящий потолок, а не просто брусья.

Она выглядела как классная комната с пятью партами, лицом к которым стоял большой письменный стол. По стенам висели школьные доски, под ними были книжные полки, заставленные пыльными старыми фолиантами с линялыми корешками, и наш постоянный искатель знаний немедленно начал осматривать их, произнося вслух заглавия.

Меня привлекли маленькие парты с нацарапанными на них именами и датами, вроде «Джонатан, 11 лет, 1864», или «Аделаида, 9 лет, 1879».

Боже, каким старым был этот дом! Эти люди давно уже превратились в пыль в своих могилах, но они оставили свои имена, чтобы дать нам знать, что когда-то их тоже посылали сюда, наверх. Но зачем их отправляли учиться на чердаке? Они наверняка были желанными детьми, в отличие от нас, презираемых нашими бабушкой и дедушкой. Вероятно, для них окна были широко открыты. И для них слуги носили наверх уголь или дрова, чтобы топить небольшие печки, расположенные по углам комнаты.

Старая лошадь-качалка с недостающим янтарным глазом покачивалась рядом, и ее спутанный желтый хвост источал печаль. Но этого белого с черным пони оказалось вполне достаточно, чтобы исторгнуть из Кори радостный вопль. Он немедленно взобрался в облезлое красное седло и закричал: «Но, лошадка!» И пони, на которого не садились столько лет, поскакал вперед со стуком и скрипом, протестуя всеми своими ржавыми соединениями.

– Я тоже хочу поскакать! – воскликнула Кэрри. – Где лошадка для меня?

Я быстро подбежала к ней и, подхватив на руки, усадила позади Кори. Она обхватила его руками, и они стали качаться, заливаясь смехом, заставляя разваливающуюся лошадь скакать все быстрее и быстрее. Было даже странно, что она не ломается.

Теперь у меня появилась возможность взглянуть на книги, которые так очаровали Кристофера. Я безбоязненно протянула руку и взяла одну из книг, не обращая внимания на заглавие. Стоило мне перелистнуть страницу, как целые легионы плоских многоногих букашек побежали из книги в разные стороны. Я уронила книгу и беспомощно уставилась на рассыпанные страницы. Я ненавидела всех этих мелких тварей – прежде всего пауков, да и червей тоже. Те, что посыпались со страниц книги, напоминали и тех и других.

Моя девчоночья реакция вызвала у Криса приступ истерического смеха. Успокоившись, он заявил, что я веду себя как дурочка, и назвал мою пугливость преувеличенной. Близнецы с удивлением взглянули на меня со своего необъезженного мустанга. Мне пришлось совладать со своими чувствами, даже сделать вид, что настоящие матери не взвизгивают при виде нескольких букашек.

– Кэти, тебе уже двенадцать лет, пора хоть немного повзрослеть. Ни один нормальный человек не будет вопить, увидев несколько книжных червей. Такие существа – часть нашей жизни. Человек – царь природы, верховный правитель всего. И это совсем неплохая комната. Масса места, много больших окон, множество книг и даже несколько игрушек для близнецов.

Да уж! Ржавая красная тележка со сломанной ручкой и без одного колеса – прекрасно. Сломанная зеленая яхта – просто замечательно! И тем не менее Кристофер оглядывал это место с выражением явного довольства, – место, где люди прятали своих детей, чтобы не

видеть их, не слышать их и даже не думать о них. Он считал, что оно таит в себе скрытые возможности.

Безусловно, можно было очистить темные углы, населенные страхами, опрыскать все вокруг аэрозолем от насекомых, чтобы вывести эти ужасные создания, на которых мы постоянно наступали. Но нельзя было наступить на дедушку и бабушку. Как превратить этот чердак в цветущий рай, а не тюрьму вроде той, что внизу?

Я подбежала к одному из окон и взобралась на коробку, чтобы достать до высокого подоконника. Мне вдруг отчаянно захотелось увидеть землю, посмотреть, насколько высоко мы находимся и сколько костей переломаем, если нам придет в голову выпрыгнуть. Я отчаянно хотела увидеть деревья, траву, где растут цветы, где светит солнце, летают птицы, где была настоящая жизнь. Но я увидела только серую шиферную крышу, расстилающуюся под окнами и полностью закрывающую вид. За ней виднелись верхушки деревьев, а за ними – горная цепь, затянутая пеленой голубоватого тумана.

Кристофер забрался на подоконник и встал рядом со мной. Его плечи касались моих и слегка дрожали, так же как и его голос, когда он произнес:

– Мы все-таки сможем увидеть небо и солнце, а ночью – луну и звезды, а наверху будут летать птицы и самолеты. Мы можем развлекать себя этим зрелищем, пока мы здесь.

Он замолчал и, наверное, подумал о ночи нашего приезда, – неужели это было всего лишь прошлой ночью?

– Держу пари, что, если мы широко откроем окно, туда залетит сова. Я всегда хотел держать дома сову.

– Господи, с какой стати она тебе понадобилась?

– Совы могут поворачивать голову на сто восемьдесят градусов. А ты так можешь?

– Я не хочу.

– Даже если бы и захотела, то все равно не смогла бы.

– Ну и ты не сможешь! – вспыхнула я, заставляя его примириться с реальностью, к чему он так часто призывал меня.

Такая умная птица, как сова, не захочет провести с нами взаперти даже час.

– Я хочу котенка, – промолвила Кэрри, поднимая руки, чтобы мы помогли ей забраться на подоконник.

– Я хочу щенка, – присоединился к ней Кори.

Но тут же, забыв о домашних животных, он начал повторять:

– На улицу, на улицу. Кори хочет на улицу. Кори хочет поиграть в саду. Кори хочет на качели!

Кэрри разделяла эту точку зрения. Она тоже хотела на воздух, в сад и на качели. С ее трубным голосом самца-лося она выражала свои желания гораздо настойчивее Кори.

Они вдвоем прижали нас с Кристофером к стене, требуя, чтобы их выпустили наружу, наружу, наружу!

– Почему мы не можем выйти? – вопила Кэрри, колотя меня кулачками в грудь. – Нам здесь не нра-а-вится! Где мама? Где солнце? Куда делись цветы? Почему так жарко?

– Послушайте, – сказал Кристофер, хватая ее за беспрерывно молотящие кулачки, чтобы она не превратила меня в лепешку, – представьте себе, что вы на улице. Вы вполне можете качаться на качелях здесь, точно так же, как и в саду. Кэти, давай поищем какую-нибудь веревку.

Мы начали поиски и вскоре нашли веревку в старом сундуке, где, помимо нее, лежала куча всякого хлама. Очевидно, Фоксворты ничего не выбрасывали, а хранили весь свой мусор на чердаке. Наверное, они боялись, что когда-нибудь обеднеют и им внезапно понадобится все то, от чего они так беспечно избавлялись.

Мой старший брат с большим усердием приступил к изготовлению качелей для обоих близнецов: иначе, естественно, было нельзя, кто-то мог остаться обделенным. Из досок, оторванных от крышки сундука, он сделал сиденья, с которых найденной где-то шкуркой удалил занозы. Пока он занимался этим, я нашла старую приставную лестницу без

нескольких ступеней, что не помешало Кристоферу быстро взобраться по ней на потолочный брус высоко над нашими головами. Я смотрела, как он карабкается туда и как выбирается на широкий брус, постоянно рискуя жизнью. Он встал, чтобы продемонстрировать умение поддерживать равновесие, и неожиданно на секунду качнулся в сторону. Он тут же выровнялся, расставив руки в стороны, но у меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я ужаснулась, увидев, какому риску он себя подвергает лишь для того, чтобы показать свое мастерство. Вокруг не было ни одного взрослого, способного урезонить его. Если бы я велела ему спуститься вниз, он бы только рассмеялся и натворил еще больше глупостей. Поэтому я промолчала и закрыла глаза, пытаюсь не думать, что будет, если он упадет, ударится о пол и сломает руки либо, самое страшное, спину или шею. Я знала, что он смелый, но вот он уже крепко привязал веревки, так почему бы ему не спуститься, чтобы мое сердце перестало учащенно биться?

Изготовление качелей заняло у Кристофера уйму времени, потом он рисковал жизнью, чтобы повесить их. А когда он спустился вниз и близнецы начали качаться, приведя в движение пыльный воздух, удовлетворение не продлилось и трех минут.

Потом все началось сначала. Кэрри была первой:

– Уведите нас отсюда! Мне не нравятся эти качели! Нам здесь не нравится! Здесь пло-о-хо!

Не успели смолкнуть ее вопли, как Кори подхватил:

– На улицу, на улицу, хочу на улицу!

И разумеется, Кэрри заголосила с новой силой.

Терпение... Я должна была терпеть, должна была контролировать себя целиком и полностью и не вопить только из-за того, что я хотела выйти наружу не меньше их.

– Прекратите это безобразие! – потребовал Кристофер. – Мы играем в игру, а у всех игр есть правила. Главное правило состоит в том, чтобы оставаться в помещении и вести себя как можно тише. Крики и визг запрещены.

Взглянув на их заплаканные лица, он смягчил свой тон:

– Представьте себе, что это сад под чистым голубым небом, над головой шумит листва деревьев и ярко светит солнце. А когда мы спустимся вниз, представьте себе, что наша комната – это дом с множеством комнат. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Когда мы будем богаты, как Рокфеллеры, нам больше не понадобится ни этот чердак, ни комната внизу. Мы будем жить, как принцы и принцессы.

– Ты думаешь, у Фоксвортов столько же денег, сколько у Рокфеллеров? – недоверчиво спросила я.

Ничего себе! У нас будет все, что мы пожелаем! И все же, все же что-то не давало мне покоя. Эта бабушка и то, как она обращалась с нами, как будто мы не имели права жить на свете. И эти ужасные слова, которые она сказала: «Вы будете жить здесь, но вас как бы не существует».

Мы еще немного пошарили по чердаку, нехотя осматривая разные вещи, пока у кого-то не забурчало в животе. Я взглянула на часы. Два часа дня. Мой брат посмотрел на меня, а я – на близнецов. Наверное, в животе бурчало у кого-то из них, ведь они так мало ели, хотя их пищеварительные системы были автоматически настроены на завтрак в семь часов, обед в двенадцать и ужин в пять. В семь часов они ложились спать, немного перекусив перед этим.

– Время обеда! – радостно объявила я.

Мы плотной кучкой спустились обратно в ненавистную сумеречную комнату. Если бы только можно было приоткрыть шторы, если бы только...

Наверное, я высказала эту мысль вслух, потому что Кристофер заметил, что, даже будь шторы широко открытыми, солнце все равно не светило бы в окна, потому что они выходят на север.

– Нет, вы только посмотрите на этих трубочистов в зеркало! Совсем как персонажи из «Мэри Поппинс»!

Это сравнение развеселило близнецов и озарило улыбкой их грязные личики. Они

обожали, когда их сравнивали с героями книжек с картинками.

С ранних лет нас приучали садиться за стол безупречно чистыми, и, поскольку Бог смотрел за нами во все глаза, мы решили соблюдать все правила, чтобы не гневить Его. Мы решили, что Бог не обидится, если мы посадим Кори и Кэрри в одну ванну, так как они вышли из одного чрева. Кристофер занялся Кори, а я вымыла шампунем голову Кэрри, потом искупала ее, одела и причесала ее шелковые волосы до блеска, а потом завила их на пальце, так что они ниспадали хорошенькими спиральными локонами. В довершение всего я завязала на ее голове зеленую атласную ленту.

И вряд ли кому-то причиняло вред то, что Кристофер разговаривал со мной, пока я мылась. Мы еще не были взрослыми – пока. В конце концов, это не означало пользоваться ванной вместе. Мама с папой не видели ничего плохого в обнаженной коже, но, когда я мыла лицо, суровый, непреклонный образ бабушки встал у меня перед глазами. Она-то, безусловно, видела в этом плохое.

– Мы не можем больше позволить себе делать это, – сказала я Кристоферу. – Бабушка может поймать нас, и она посчитает это греховным.

Видимо, что-то в выражении моего лица заставило его подойти к ванне и обнять меня. Как он понял, что мне нужно поплакать у кого-то на плече? Именно это я и сделала.

– Кэти, – успокаивал он меня, пока я всхлипывала, уткнувшись в его плечо, – лучше подумай о будущем и о том, что мы сможем купить, когда разбогатеем. Я всегда хотел стать невероятно богатым и немного побыть плейбоем – только немного, потому что папа всегда говорил, что надо приносить какую-то пользу остальным людям, и я этого хочу. Но пока я не поступил в колледж, а потом в школу медицины, я смог бы улучшить момент и немного подурочиться, прежде чем займусь серьезным делом.

– А, понимаю, ты хочешь делать то, чего не сможет себе позволить бедный парень. Что ж, если таково твое желание – пожалуйста. А я хочу лошадь. Я всю жизнь хотела иметь пони, но там, где мы жили, никогда не было достаточно места, а сейчас я, конечно, слишком большая для пони. Поэтому это должна быть лошадь. И разумеется, все это время я буду пробивать себе путь к славе и богатству, как ведущая мировая прима-балерина. Ты ведь знаешь, что танцоры должны все время есть, иначе они превратятся в кожу и кости, поэтому я намереваюсь съедать каждый день по галлону мороженого, а какой-нибудь день я выберу специально, чтобы питаться одним сыром, всеми видами сыра на специальных крекерах. Потом, я хочу много новой одежды, новый наряд на каждый день в году. Я буду выбрасывать их, поносив один раз, буду сидеть и есть сыр с крекерами, а сверху намазывать мороженым. И все время буду танцевать, чтобы сжечь жир.

Пока я говорила, Крис поглаживал мою мокрую спину, а когда я обернулась, чтобы взглянуть на него, он выглядел печальным и задумчивым.

– Понимаешь, Кэти, все это время, пока мы здесь заперты, нам будет не так плохо, как ты, наверное, думаешь. У нас не останется времени для огорчений, потому что мы будем постоянно думать о том, как потратить свои деньги. Давай попросим маму принести нам набор шахмат. Я всегда мечтал научиться играть в шахматы. И еще мы можем читать. Мама не даст нам соскучиться. Она привезет нам новые игры и придумает для нас новые занятия. Эта неделя пролетит незаметно. – Он улыбнулся мне сияющей улыбкой. – И пожалуйста, перестань называть меня Кристофером! Я больше не хочу, чтобы меня путали с папой, так что теперь я просто Крис, хорошо?

– Хорошо, Крис, – сказала я, – но что, по-твоему, сделает бабушка, если поймает нас здесь вместе?

– Устроит нам сущий ад и бог знает что еще.

Когда я вылезла из ванны и начала вытираться, то приказала ему не смотреть. Впрочем, он и не смотрел. Мы прекрасно знали, что скрывается под одеждой друг у друга, потому что видели друг друга голыми, сколько я себя помню. С моей точки зрения, мое тело было лучше. Изящнее.

В чистой одежде и приятно пахнущие, мы принялись за сэндвичи с ветчиной, едва

теплый овощной суп из маленького термоса и молоко. Обед без печенья казался каким-то незавершенным.

Крис все время украдкой поглядывал на часы. Вполне возможно, что нам придется ждать маму еще очень долго. Обед закончился, и близнецы стали беспокойно ходить взад и вперед. Они капризничали и выражали неудовольствие, пиная все, что попадалось им под ноги. Время от времени они хмуро посматривали на нас с Крисом. Крис направился к гардеробной, собираясь найти какую-нибудь книгу в классной комнате на чердаке, и я хотела было идти за ним.

– Нет!! – завизжала Кэрри. – Не ходи на чердак!! Там плохо!!! Здесь тоже плохо! Везде плохо! Не хочу, чтобы ты была моей мамой, Кэти! Где моя настоящая мама? Куда она ушла? Скажи ей, чтобы она вернулась и отпустила нас поиграть в песочнице!

Она подскочила к двери и повернула ручку, а когда поняла, что дверь не открывается, завопила нечеловеческим голосом. Неистово молотя кулачками в твердую дубовую панель, она стала истошно звать маму и просить, чтобы та увела ее из этой темной комнаты.

Я подбежала и обхватила ее руками, но она продолжала кричать и пинать дверь. Это было все равно что держать дикую кошку. Крис схватил Кори, который побежал на помощь сестре. Все, что мы могли сделать, – это положить их на большие кровати, достать книжки и предложить им вздремнуть. Заплаканные и все еще сопротивляющиеся, близнецы сверкали на нас глазами.

– Что, уже ночь? – спрашивала Кэрри, охрипшая от многочисленных бесплодных воплей о свободе и призывов к матери, которая все не приходила и не приходила. – Я так хочу к маме. Почему она не идет?

– «Кролик Питер», – сказала я, выбрав любимую книжку Кори с цветными иллюстрациями на каждой странице, что само по себе делало «Кролика Питера» хорошей книгой.

В плохих книгах не было картинок. Любимой книгой Кэрри были «Три поросенка», но Крису пришлось бы читать ее как папа: кряхтя, сопя и изображая низкий голос волка. Я не была уверена в том, что он сможет.

– Пожалуйста, позвольте Крису сходить на чердак и найти для себя какую-нибудь книгу. Пока его нет, я почитаю вам «Кролика Питера». Давайте посмотрим, удастся ли Питеру залезть в огород к фермеру и поесть морковки и капусты. А если вы заснете, пока я буду читать, то увидите продолжение во сне.

Прошло около пяти минут, и близнецы заснули. Кори прижал книгу к груди, чтобы облегчить переход кролика Питера в свой сон.

Меня охватило теплое, нежное чувство к этим малышам, которым была нужна настоящая, взрослая мать, а не двенадцатилетняя девчонка. На сердце у меня было беспокойно. Мне казалось, что я чувствую себя такой же, как когда мне было десять лет. Если я и должна была вскоре повзрослеть, то эта взрослость пока никак не проявлялась, и я совсем не чувствовала себя самостоятельной.

Слава богу, мы не пробудем взаперти очень долго, а то что я буду делать, если они заболели? Что будет, если произойдет несчастный случай, кто-нибудь упадет, сломает кости? Если я буду стучать в дверь, придет ли эта проклятая бабушка на помощь?

Пока я предавалась этим невеселым размышлениям, Крис собирал на чердаке коллекцию пыльных, изъеденных жучками книг, чтобы принести их в комнату. Вообще-то, у нас с собой были шашки, и я с большим удовольствием сыграла бы в них, чем сидеть, уткнувшись носом в старую книгу.

– Вот, возьми, – протянул он мне старый том, заверив, что отряхнул его от всех букашек, чтобы не вызвать у меня новую истерику. – Давай оставим шашки на потом, пока близнецы не проснулись. Сама знаешь, как ты нервничаешь, когда проигрываешь.

Устроившись в удобном кресле и закинув ноги на закругленный подлокотник, он открыл «Тома Сойера». Я улеглась на свободную кровать и начала читать о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. И хотите верить, хотите нет, в этот день для меня открылась дверь в

мир, о существовании которого я и не подозревала: прекрасный мир, где рыцарство было в расцвете, любовь была романтической, а прекрасные дамы возносились на пьедестал и становились объектами благоговейного поклонения. В этот день начался мой роман со Средневековьем, которому суждено было длиться всегда, ведь, в конце концов, все балеты основаны на волшебных сказках. А все сказки – на средневековом фольклоре.

Я была из тех детей, что ищут чудеса вокруг себя. Я очень хотела верить в ведьм, волшебников, людоедов, великанов и магические заклинания и не желала, чтобы какие-нибудь научные исследования лишили мир волшебства. Я еще не догадывалась, что мне придется жить в мрачном замке, находящемся во власти ведьмы и людоеда. Я не знала, что современные злые волшебники с успехом используют деньги вместо заклинания.

День за шторами клонился к закату, и мы снова сели за стол. В нашем распоряжении были жареная курица (холодная), картофельный салат (теплый) и зеленые бобы (холодные и жирные). Мы с Крисом съели почти все, невзирая на непривлекательный вид пищи, а близнецы только поковырялись в своих порциях, постоянно жалуясь, что все невкусное. Мне показалось, что, если бы Кэрри говорила поменьше, Кори съел бы больше.

– Апельсины не выглядят подозрительно, – сказал Крис, протягивая мне один, чтобы очистить, – и не должны быть горячими. Вообще, апельсины – это жидкое солнце.

На этот раз его слова пришлись очень кстати. Теперь близнецы могли хоть что-то съесть с удовольствием: жидкий солнечный свет.

Наступил вечер, ничем не отличающийся от дня. Мы включили все четыре лампы и маленький ночник в виде розы, который мама взяла для близнецов, не любивших темноты.

Когда они проснулись, мы одели их в чистое, причесали, вымыли им лица, и теперь, сидя на полу, занятые головоломкой, они выглядели хорошенькими и привлекательными. Головоломки были старые, и они точно знали, какую часть соединять с какой, поэтому в основном шло соревнование на скорость: кто первый соберет больше фрагментов.

Вскоре, однако, игра им наскучила, и мы посадили обоих на одну кровать и начали развлекать их разными историями, придумывая их на ходу. Но и это близнецам быстро надоело, хотя мы были готовы продолжать, чтобы посмотреть, у кого лучше работает воображение. Следующими пошли в ход маленькие грузовики и легковые машины, извлеченные из чемоданов. Близнецы начали возить их по полу из Нью-Йорка в Сан-Франциско по маршруту, огибавшему кровати и проходившему между ножками стола, и снова испачкались. Когда мы совсем устали от них, Крис предложил сыграть в шашки, а близнецам посоветовал перевозить апельсиновую кожуру во Флориду, которая находилась в мусорном ведре.

– Ты можешь играть красными, – объявил он. – В отличие от тебя я не верю, что черный – несчастливый цвет.

Я обиженно нахмурилась. Кажется, целая вечность прошла между рассветом и сумерками, и эта вечность меня необратимо изменила.

– Я не хочу играть в шашки! – мерзким голосом ответила я.

Бросившись на кровать, я прекратила бороться с собой, и мои мысли устремились по бесконечному тоннелю страхов, подозрений и мучительных сомнений. Хотелось знать, сказала ли мама всю правду. И пока мы, все четверо, ждали ее появления, не было ни одного бедствия, о каком бы я не подумала. В основном это был пожар. Призраки и всевозможные чудовища жили на чердаке. Но в этой запертой комнате угроза исходила прежде всего от огня.

Время шло медленно. Крис в своем кресле продолжал посматривать на часы. Близнецы доползли до Флориды, избавились от апельсиновой кожуры и теперь не знали, что им делать. Не было океанов, чтобы их пересекать, потому что не было лодок. Почему мы не взяли игрушечный кораблик?

Я с неприязнью взглянула на картины с изображением адских мук и лишней раз поразила уму и жестокости бабушки. Было просто несправедливо, что Господь так

пристально наблюдал за четырьмя детьми, когда у тысяч других во всем мире дела обстояли намного хуже. На месте Бога с Его всевидящим взглядом я бы не стала тратить время на оставшихся без отца детей, закрытых в спальне. Я бы обратила внимание на что-нибудь более интересное. Кроме того, папа был там, на небесах, и должен был попросить Бога заботиться о нас и закрывать глаза на некоторые наши ошибки.

Несмотря на мои возражения, Крис отложил книгу и принес коробку с большим количеством фигур для сорока разных игр.

– Что с тобой? – спросил он и начал расставлять на доске красные и черные кружки. – Почему ты притихла и почему выглядишь такой испуганной? Боишься, что я опять выиграю?

Боже, я просто не могла думать об играх. Я рассказала ему о своих страхах перед пожаром и о пришедшей мне в голову идее разорвать простыни и связать их в подобие лестницы, чтобы добраться до земли, – так делали герои многих старых фильмов. Если бы начался пожар, например сегодня ночью, мы смогли бы разбить окно и спастись, привязав близнецов себе на спину.

Я ни разу не видела, чтобы голубые глаза Криса смотрели на меня с таким восхищением.

– Ну ты даешь! Фантастическая идея, Кэти! Мы поступим именно так, хотя, мне кажется, пожара и не будет. Честное слово, я рад, что ты не будешь вести себя как плакса-вакса. То, что ты думаешь о будущем и планируешь непредвиденные ситуации, показывает, как ты взрослеешь, и это мне нравится.

Боже мой, через двенадцать лет непрерывных усилий я наконец добилась его одобрения и уважения, достигнув цели, которую считала недостижимой. Было приятно узнать, что мы можем ладить друг с другом, долго находясь вместе. Мы обменялись улыбками в знак того, что вместе мы постараемся выжить и дождаться конца недели. Возникшее между нами чувство товарищества создавало некую надежность, своего рода луч света в темном царстве.

Однако нашим ожиданиям суждено было разбиться вдребезги. В комнату вошла мама, она двигалась как-то странно, а на ее лице застыло непонятное выражение. Мы так долго ждали ее возвращения, но почему-то оно совсем не вызвало ожидаемой радости. Наверное, из-за бабушки, которая следовала за ней по пятам с непреклонно-твердым злобным взглядом серых глаз и от вида которой наш энтузиазм быстро улетучился.

Я закрыла рот рукой. Случилось что-то ужасное. Я это знала! Я это точно знала!

Мы с Крисом сидели на кровати, смяв покрывало, и играли в шашки, время от времени посматривая друг на друга.

Одно правило нарушено... Нет, два: смотреть друг на друга запрещено и кровати должны быть в идеальном состоянии.

Близнецы рассыпали по всему полу части головоломки, их машинки и кубики валялись повсюду, поэтому комнату тоже нельзя было назвать аккуратно прибранной.

Итак, уже три правила.

Кроме того, мальчики и девочки вместе были в ванной.

Наверное, мы нарушили еще какое-нибудь правило, ведь было ясно, что, чем бы мы ни занимались, Бог и бабушка постоянно поддерживают между собой тайную связь.

Гнев Всевышнего

Итак, в этот вечер мама вошла в нашу комнату, едва переступая ногами, вся скованная, словно каждое движение причиняло ей боль. Ее красивое лицо было бледным и осунувшимся, а опухшие глаза покраснели. В ее тридцать три года кому-то удалось так унижить ее, что она избегала на нас смотреть. Она выглядела подавленной, побежденной, одинокой и стояла посреди комнаты, как жестоко наказанный ребенок. Не обратив на это внимания, близнецы побежали ей навстречу. Весело обхватив ее ноги, они смеялись и кричали:

– Мама, мама! Где ты была?

Мы с Крисом осторожно подошли и попытались обнять ее. Казалось, ее не было с нами десять воскресений, а не одну только среду, но она была символом нашей надежды, нашей действительности, своеобразной линией связи с окружающим миром.

Может быть, мы слишком пылко ее целовали? Может быть, наши жадные, страстные объятия откликнулись в ее сердце болью и она снова почувствовала груз ответственности? По ее щекам медленно покатились крупные слезы. Наверное, она плакала из жалости к нам. Мы сели на одну из больших кроватей, стараясь уместиться поближе к ней. Она взяла близнецов к себе на колени, а мы с Кристофером свернулись калачиком по бокам. Осмотрев нас, она похвалила нашу сияющую чистоту и улыбнулась, увидев, что я повязала Кэрри зеленый бантик, чтобы он подошел по цвету к зеленым полосам на ее платье. Хриплым голосом, как будто она простужена или в горле у нее засела знаменитая лягушка из басни, она произнесла:

– А теперь расскажите мне честно, как вы провели сегодняшний день?

Кори недовольно надулся, всем своим видом желая показать, что провел сегодняшний день плохо. Кэрри озвучила его ответ:

– Кэти и Крис плохие! – завопила она голосом, совсем не похожим на птичьи трели. – Они нас никуда не пускали весь день! Нам не понравилось это большое грязное место, которое они нам хвалили. Мама, тут плохо!

Встревоженная, мама стала успокаивать Кэрри, говоря близнецам, что обстоятельства изменились и теперь они должны слушаться старших брата и сестру наравне с родителями.

– Нет! Нет! – завопило покрасневшее воплощение ярости. – Мы ненавидим это место! Мы хотим в сад! Здесь темно! Нам не нужны Крис и Кэти! Мама, нам нужна ты! Забери нас отсюда, забери нас домой!

Кэрри набрасывалась на меня, маму и Кристофера, крича, как сильно она хочет домой, а мама сидела на кровати, совершенно не пытаясь защитить себя и даже как будто ничего не слыша, – видимо, она не знала, как справиться с этой ситуацией, где задает тон пятилетний ребенок. Чем более отстраненной казалась мама, тем сильнее вопила Кэрри. Я закрыла уши.

– Коррина! – скомандовала бабушка. – Сию секунду заставь этого ребенка замолчать!

Глядя на ее каменное лицо, я понимала, что она точно знает, как это сделать, и немедленно. Однако на коленях у мамы сидел еще один малыш и широко открытыми глазами смотрел на высокую фигуру бабушки – существа, угрожавшего его сестре-двойняшке, которая, спрыгнув с маминых колен, остановилась перед бабушкой. Широко расставив ноги, Кэрри отвела назад голову, раскрыла розовый ротик и заголосила по-настоящему! Все предыдущее показалось жалким мяуканьем котенка, теперь наступила кульминация. Похоже было, что она берегла голос, как оперная примадонна для финала главной арии. Теперь это был уже не котенок, а разъяренная тигрица!

То, что произошло потом, повергло меня в ужас и изумление.

Бабушка взяла Кэрри за волосы и оторвала от пола. Этого было достаточно, чтобы Кори спрыгнул с колен мамы. Быстрый, как кошка, он устремился к бабушке и, не успевая я и глазом моргнуть, укусил ее за ногу. Я внутренне сжалась, представляя ее реакцию. Посмотрев сверху вниз, бабушка стряхнула Кори, как надоедливую собачонку, но все же выпустила волосы Кэрри из руки. Девочка свалилась на пол, быстро вскочила на ноги и попыталась лягнуть бабушку ногой, но промахнулась.

Не желая отставать от своей двойняшки, Кори поднял ножку в белой туфельке, старательно прицелился и со всей силы пнул бабушку по ноге.

А Кэрри откатилась в угол, сжалась там и завопила, как пожарная сирена.

Да, эту сцену действительно стоило запомнить и воспроизвести на бумаге.

Пока что Кори не произнес ни слова и вообще не издал ни звука, что было для него характерно. Но никто не смел угрожать или причинять боль его сестре, даже если этот «никто» был ростом почти шесть футов и весил около двухсот фунтов. А Кори был очень маленьким для своего возраста.

Если Кори не нравилось происходящее с Кэрри или потенциальная угроза ему самому, то бабушке определенно не нравилось то, что происходило с нею. Она посмотрела на повернутое к ней маленькое, гневное, решительное лицо. Она рассчитывала, что под ее взглядом оно съезжится, с него исчезнет мрачная решимость, а из глаз – вызов, но Кори упрямо стоял перед ней, ожидая, когда она предпримет ответные меры. Ее бескровные губы сжались в тонкую кривую карандашную линию.

Рука поднялась вверх – огромная, тяжелая, со вспыхивающими на ней бриллиантовыми кольцами.

Кори не шелохнулся. Его единственной реакцией на эту совершенно очевидную угрозу был еще более хмурый взгляд. Он сжал кулаки и встал в стойку, как профессиональный боксер.

Боже, неужели он хочет драться с ней и надеется победить?

Я услышала, как мама зовет Кори осипшим голосом, почти шепотом.

Определив дальнейшие действия, бабушка размахнулась и нанесла по лицу Кори такой сильный удар, что малыш покотился прочь. Быстро оправившись, он поднялся, собираясь снова атаковать эту злобную человеческую гору. Но тут им овладели сомнения, и он стусеивался, сразу став маленьким и жалким. Здравый смысл возобладал над яростью. Почти на четвереньках он забрался в угол, где засела, нахохлившись, Кэрри, прижался к ней и, обхватив ее руками, присоединил свои завывания к ее воплям.

Крис рядом со мной шевелил губами, произнося нечто вроде молитвы.

– Коррина, они твои дети, заставь их замолчать. Сию минуту.

Но этих златокудрых близнецов, похожих на лютики, было практически невозможно успокоить. Доводы не доходили до их ушей. Сейчас они руководствовались только собственным страхом и, как механические игрушки, работали, пока не кончится завод.

Когда папа был жив, он знал, как действовать в таких ситуациях: он брал близнецов под мышки, по одному с каждой стороны, относил малышей в их комнату и строго-настрого приказывал замолчать – или, пока они не замолчат, они будут сидеть одни, без телевизора, без игрушек, без всего. Лишенные аудитории, они замолкали через несколько минут после того, как папа закрывал за собой дверь. Быстро утихомирившись, они с ангельским видом забирались на колени к папе и тихо просили прощения.

Но папы не было. И в нашем распоряжении не имелось отдельной спальни, где близнецы могли поостыть. Эта комната была нашим единственным жилищем, и здесь двойняшки держали в заложниках своих обескураженных слушателей. Они вопили, пока их лица не стали из розовых красными, а потом багровыми. От слез их глаза сделались стеклянными и расфокусированными. Да, это было шоу экстра-класса – безрассудное шоу.

Очевидно, какое-то время наша бабушка находилась под впечатлением от спектакля. Однако быстро преодолела минутную нерешительность, чем бы она ни была вызвана. Бабушка целеустремленно направилась к съезжившимся в углу близнецам и, наклонившись, подняла обоих за шиворот. Невзирая на их отчаянные крики и попытки лягнуть или ударить свою мучительницу, близнецы были на вытянутых руках отнесены к маме. Затем бабушка отпустила их, и они грохнулись на пол, словно ненужный хлам. Громким, твердым голосом, заглушая их крики, она безапелляционно заявила:

– Я буду стегать вас плетью, пока ваша кожа не начнет кровоточить, если вы сейчас же, немедленно, не перестанете орать!

Холодный, почти нечеловеческий голос и угроза, от которой у всех мороз пробежал по коже, убедили близнецов и меня в серьезности ее обещания. Испуганные и пораженные, близнецы замолчали и уставились на нее, открыв рот. Они знали, что такое кровь и как больно бывает, когда она идет. Страшно было видеть такую жестокость по отношению к малышам, как будто этой женщине было все равно, если они повредят свои хрупкие кости и на их нежном теле появятся кровавые рубцы. Она стояла, возвышаясь над ними, над всеми нами, подобно башне. Свирепо взглянув на нашу маму, она произнесла:

– Коррина, я не допущу, чтобы эти отвратительные сцены повторялись! Совершенно

очевидно, что твои дети были испорчены вседозволенностью и им срочно нужно преподать урок дисциплины и послушания. Ни один ребенок, живущий в этом доме, не должен повышать голос, отказываться от повиновения старшим или вести себя вызывающе. Слушай меня! Они будут говорить, только когда с ними заговорят старшие. Они будут вскакивать по стойке «смирно», когда я заговариваю с ними. А теперь сними блузку, дочь, и покажи, что бывает в этом доме с теми, кто не повинуется!

При этих словах мама встала. Ее лицо покрылось восковой бледностью, а все тело сжалось, как будто хотело стать меньше.

– Нет, – выдохнула она, – в этом сейчас нет необходимости. Смотри, близнецы уже замолчали, они уже слушаются.

Лицо пожилой женщины сделалось мрачным.

– Коррина, неужели ты посмеешь послушаться меня? Когда я велю тебе что-либо сделать, ты должна делать это безоговорочно. И немедленно! Посмотри, кого ты вырастила! Слабовольные, испорченные, непослушные дети, все четверо. Они думают, что своим визгом могут добиться чего угодно. Здесь это не действует. Кроме того, они должны усвоить, что у меня нет жалости к тем, кто не повинуется и нарушает мои правила. Ты должна знать это, Коррина. Разве я когда-нибудь жалела тебя? Даже до того, как ты предала нас, разве я позволяла твоему хорошенькому личику и вкрадчивым манерам остановить уже занесенную руку? О, я помню время, когда твой отец любил тебя и вставал на твою сторону. Но это время прошло. Ты показала ему, что ты именно то, чем я тебя всегда считала, – подлая, лживая дрянь!

Она обратила свой твердокаменный взгляд на нас с Крисом.

– Да, я с готовностью признаю, что ты и твой дядя произвели на свет чрезвычайно красивых детей. Но помимо этого, они представляют собой мягкотелые, бесполезные ничтожества! – Она снова злобно оглядела маму, как будто именно от нее мы унаследовали все эти недостатки. Но она еще не закончила. – Коррина, твоим детям явно нужен наглядный урок. Когда они увидят, что случилось с их матерью, они перестанут сомневаться, что то же самое может произойти и с ними.

Моя мама выпрямилась и замерла, храбро глядя в глаза огромной, ширококостной женщине, которая была выше ее дюйма на четыре и на много фунтов тяжелее.

– Если ты будешь так жестока к моим детям, – начала мама дрожащим голосом, – я сегодня же увезу их из этого дома и вы никогда больше не увидите ни меня, ни их.

Она проговорила это с явным вызовом, подняв свое красивое лицо и напряженно глядя на ту, которая по иронии судьбы оказалась ее матерью.

Слабая улыбка, холодная и сдержанная, была ответом на ее вызов. Даже не улыбка, а презрительная усмешка.

– Забери их, забери их немедленно, Коррина, и убирайся сама. Думаешь, я расстроюсь, если больше не увижу ни одного из вас?

Мы сидели и наблюдали за этим поединком голубых глаз дрезденской куколочки, принадлежавших нашей маме, и холодных, стальных глаз бабушки. Внутренне я готова была кричать от радости. Мама хочет забрать нас отсюда! Мы уезжаем! Прощай, комната! Прощайте, чердак и миллионы, которые мне все равно совершенно не нужны!

Но вместо того чтобы направиться к гардеробной за нашими чемоданами, мама в нерешительности стояла, не сходя с места, как будто что-то красивое и благородное в ее душе рухнуло. Ее глаза опустились в знак поражения, а голова склонилась вниз, чтобы скрыть выражение лица.

Охваченная дрожью, я смотрела, как бабушкина усмешка превращается в широкую и жестокую победную улыбку. «Мама! Мама! Мама! – кричала моя душа. – Не позволяй ей делать это с собой!»

– А теперь, Коррина, сними блузку.

Бледная как смерть, мама медленно повернулась к нам спиной, и было видно, как по ее позвоночнику пробежала сильная дрожь. Она с трудом расстегнула пуговицы своей белой

кофточки и осторожно спустила ее с плеч, обнажая спину.

Под блузкой не было лифчика, и мы тут же поняли почему. Крис замер, затаив дыхание. Кэрри и Кори тоже уставились на маму, и моих ушей достигли их всхлипывания. Теперь я понимала, почему мама, обычно такая грациозная, так скованно вошла в комнату с глазами, красными от рыданий.

Ее спина была исполосована длинными ярко-красными следами, опускавшимися от самой шеи до пояса, где их закрывала юбка. Некоторые рубцы припухли и покрылись корочкой запекшейся крови. Вряд ли хоть один дюйм кожи остался неповрежденным между этими ужасными следами от плети.

Холодным, бесчувственным тоном, не принимая в расчет ни наши чувства, ни чувства мамы, бабушка назидательно произнесла:

– Посмотрите хорошенько, дети. И знайте, что эти следы идут вниз до самых ступней. Тридцать два удара плетью за каждый год ее жизни. И еще пятнадцать за те годы, что она прожила в грехе с вашим отцом. Ваш дедушка назначил ей это наказание, но исполнила его я. Преступления вашей матери были против Бога и тех моральных принципов, по которым живет наше общество. Она вступила в порочный брак, и это было святотатством. Этот брак был мерзостью в глазах нашего Господа. И как будто этого было недостаточно, они завели детей – четверых! Детей, являющихся порождением дьявола! Порочных с момента зачатия!

Мои глаза вылезли из орбит при виде этих страшных рубцов на нежном теле, с которым наш отец обращался с любовью и благоговением. Я барахталась в водовороте неопределенности, было больно, и я перестала понимать, кто я и что я и имею ли я право жить на земле, зарезервированное Господом Богом лишь для тех, кто родился с Его разрешения и благословения. Мы потеряли отца, дом, друзей и все имущество. С этого вечера я перестала верить, что Бог – беспристрастный судья, и поэтому в какой-то степени я потеряла и Бога.

Если бы у меня в руках оказалась плетка, я бы ударила эту женщину, которая беспардонно отняла у нас столь многое. Я смотрела на череду кровавых рубцов на маминой спине и, наверное, никогда не чувствовала такой ярости и ненависти, как сейчас.

Я ненавидела ее не только за то, что она сделала с мамой, но и за мерзкие слова, слетавшие с ее злобного языка.

Потом эта отвратительная женщина посмотрела на меня, как будто прочитав мои мысли. Я вызывающе подняла на нее глаза в надежде, что она почувствует: с этого момента я отрицаю всякое кровное родство не только с ней, но и с этим стариком внизу. Никогда больше я не почувствую к нему никакой жалости.

Наверное, мои глаза стали прозрачным стеклом, через которое она увидела, как планы мести зреют в моем мозгу и как я торжественно клянусь привести их в исполнение. Наверное, она увидела что-то шевелящееся в моем сознании, потому что она адресовала следующие слова исключительно мне, хотя и использовала существительное «дети»:

– Итак, дети, вы видите, что этот дом может решительно и беспощадно обходиться с теми, кто не подчиняется и нарушает правила. Мы можем делиться пищей, водой и крышей над головой, но никогда – добротой, сочувствием или любовью. Невозможно чувствовать что-либо, кроме отторжения, по отношению к тому, что не чисто. Следуйте моим правилам, и вы не почувствуете на себе моей плети и не будете лишены необходимого. Попробуйте послушаться меня, и вы скоро узнаете, что я могу с вами сделать и чего я могу вас лишиться.

Она по очереди взглянула на каждого из нас.

Да, она хотела уничтожить нас в тот вечер, пока мы были такими маленькими, невинными, доверчивыми и знали только самую лучшую сторону жизни. Она хотела, чтобы наши души завяли, а сами мы засохли и сморщились, чтобы искоренилась наша гордость.

Но она нас не знала.

Никто и никогда не мог заставить меня ненавидеть отца и мать. Никто не имел власти над моей жизнью и смертью, пока я жива и могу бороться!

Я бросила взгляд на Крису. Он тоже напряженно смотрел на нее, оглядывая с головы до

ног и, видимо, решая, какой ущерб он может нанести. Но ему было всего четырнадцать лет. Ему нужно было вырасти и стать взрослым мужчиной, чтобы драться с такими громадинами. Однако его руки все равно сжались в кулаки, которые он усилием воли прижимал к бокам. Его губы сжались в линию, такую же тонкую и твердую, как и у бабушки. Его глаза стали холодными и твердыми, как кусочки голубого льда.

Он любил маму больше всех. Он возносил ее на пьедестал, как само совершенство, считая ее самой милой, ласковой и отзывчивой из всех женщин, живущих на земле. Он часто говорил мне, что, когда вырастет, найдет себе жену, похожую на маму. Но все, что он мог сделать, – это яростно смотреть. Он был слишком мал.

Бабушка в последний раз задержала на нас долгий, презрительный взгляд, потом швырнула ключ маме в руки и ушла.

Один вопрос возвышался теперь до небес в нашем сознании, затмевая все остальное.

Почему? Почему мы оказались в этом доме?

Он не был ни безопасной гаванью, ни убежищем, ни святым местом. Мама не могла не знать, что произойдет, и все-таки привела нас сюда глубокой ночью. Почему?

Мамин рассказ

После ухода бабушки мы не знали, что делать, что говорить, что чувствовать. Мы сидели жалкие и несчастные. Мое сердце бешено колотилось, когда я смотрела, как мама натягивает на плечи блузку, застегивает ее и заправляет в юбку. После этого она обернулась и попыталась ободрить нас слабой улыбкой. К сожалению, я готова была даже в таком подобии улыбки найти соломинку, за которую можно ухватиться. Крис опустил голову и смотрел в пол. Было видно, какие мучения он испытывает, уж очень старательно он водил носком по узору восточного ковра.

– Послушайте, – сказала мама с вымученной бодростью, – это просто ивовые прутья. Было совсем не так больно. Моя гордость пострадала гораздо больше, чем плоть. Когда твои родители секут тебя как раба или животное, это действительно унижительно. Но не переживайте, что такое может повториться. Этого больше не случится, поверьте. Я могла бы перенести в сто раз больше ударов, чем получила, чтобы прожить еще пятнадцать лет с вашим отцом и с вами. Мы были счастливы. Хотя мне очень больно, что она заставила меня показать вам это.

Мама села на кровать и протянула к нам руки, чтобы обнять нас и успокоить. Посадив близнецов к себе на колени, она похлопала по кровати, указывая, чтобы мы сели рядом, и начала говорить. Слова давались ей трудно, и нам было не легче слушать их.

– Я хочу, чтобы вы слушали очень внимательно и запомнили каждое мое слово.

Сделав паузу, она осмотрела комнату и задержала взгляд на кремовых стенах, как будто видела сквозь них и могла заглянуть во все комнаты этого гигантского дома.

– Это странный дом, а люди, которые здесь живут, еще более странные, – естественно, не слуги, а мои родители. Я должна была сразу предупредить вас, что они фанатично религиозны. Верить в Бога – это хорошо, это правильно. Но когда вера основана на цитатах из Ветхого Завета, которые человек выискивает, чтобы интерпретировать, какая из цитат лучше всего соответствует его потребностям, – это лицемерие, и это как раз то, чем занимаются мои родители. Да, мой отец умирает, но каждое воскресенье его везут в церковь: или в кресле на колесах, если он чувствует себя достаточно хорошо, или на носилках, если ему хуже, и он отдает десятую часть своего дохода – а это, естественно, очень значительные деньги – на нужды церкви. Поэтому ему там все очень рады. На его деньги была построена церковь, он купил для нее витражи, он контролирует пастора и влияет на содержание его проповедей. Он хочет вымостить свой путь на небеса золотом, и если бы святого Петра можно было подкупить, он обязательно получил бы право на вход. В церкви с ним обращаются как с богом или живым святым, поэтому после службы он возвращается домой и чувствует, что имеет право делать все, что пожелает, потому что он выполнил свой долг,

внес плату и заработал спасение души. Когда мы росли здесь вместе с моими старшими братьями, нас буквально заставляли ходить в церковь, даже если мы болели и должны были бы оставаться в постели. Религия стояла у нас комом в горле. «Будьте добродетельны, будьте добродетельны, будьте добродетельны» – вот все, что мы слышали. Каждый день маленькие удовольствия, позволительные для нормальных людей, объявлялись для нас греховными. Нам с братьями не разрешали плавать, потому что это означало носить купальный костюм и выставлять напоказ большую часть своего тела. Нам запрещали играть в карты и любые другие азартные игры. Нам запрещали танцевать, потому что это означало близкое соприкосновение с противоположным полом. Нам предписывалось контролировать свои мысли, чтобы они не касались греховных предметов, потому что, как считали наши родители, мысли так же греховны, как и поступки. Перечислять то, что нам было запрещено делать, можно до бесконечности, казалось, все веселое и интересное было для нас греховным. А как известно, в молодом человеке все начинает протестовать, когда ему слишком много запрещают, и тогда пробуждается желание делать все наоборот. Мои родители, пытаясь сделать из нас святых, ангелов во плоти, преуспели только в одном – сделали нас гораздо хуже, чем мы выросли бы без их излишней строгости.

Я слушала, широко открыв глаза. Крис и близнецы тоже сидели замороженные.

– Потом, однажды, к нам приехал жить красивый мужчина. Его отец был моим дедушкой и умер, когда сыну было всего три года. Его мать звали Алисия, и, когда она вышла замуж за моего дедушку, ей было шестнадцать лет, а ему – пятьдесят пять. Поэтому, в принципе, она должна была прожить очень долго, чтобы увидеть сына взрослым человеком. К сожалению, Алисия умерла очень молодой. Моего дедушку звали Гарленд Кристофер Фоксворт, и, когда он умер, половина его состояния должна была отойти к младшему сыну. Но Малькольм, мой отец, получил право распоряжаться состоянием своего отца, назначив себя администратором, поскольку трехлетний мальчик, разумеется, не имел права голоса, а Алисия была его лишена. Когда мой отец захватил все под свой контроль, он выкинул Алисию и ее маленького сына. Они уехали в Ричмонд к родителям Алисии, и там она жила, пока не вышла замуж во второй раз. Она счастливо прожила несколько лет с молодым человеком, которого любила с детства, а потом он тоже умер. Дважды побывав замужем, дважды овдовев и оставшись одна с маленьким сыном, она вдобавок лишилась и поддержки родителей, которые тоже умерли. А потом, однажды, она обнаружила у себя в груди уплотнение и через несколько лет умерла от рака. И вот тогда ее сын, Гаральд Кристофер Фоксворт Четвертый, приехал жить сюда. Мы всегда называли его просто Крис.

Немного поколебавшись, она спросила:

– Вы знаете, о ком я говорю? Угадали, кто был этот молодой человек?

Я вздрогнула. Итак, вот кто такой этот загадочный дядя.

– Папа... ты имеешь в виду папу, – прошептала я.

– Да, – сказала она и глубоко вздохнула.

Нагнувшись вперед, я посмотрела на моего старшего брата. Он сидел совершенно неподвижно, с блестящими глазами и странным выражением лица.

Мама продолжала:

– Ваш отец приходился мне дядей, но он был всего на три года старше меня. Помню, как я увидела его впервые. Я знала, что к нам приезжает мой молодой дядя, и хотела произвести хорошее впечатление, поэтому весь день я готовилась, завила волосы, приняла ванну и надела платье, которое, на мой тогдашний взгляд, было самым красивым и лучше всего мне подходило. Мне было четырнадцать лет, а в этом возрасте девушка впервые начинает ощущать свою власть над мужчинами. К тому же я знала, что мальчики считают меня красивой, и, наверное, в тот момент я окончательно созрела для того, чтобы влюбиться. Вашему отцу было семнадцать. Была поздняя весна, и он стоял посреди холла с двумя чемоданами и в стоптанных ботинках. Его одежда также выглядела изношенной, и он из нее явно вырос. Рядом с ним стояли мои родители, а он вертел головой из стороны в сторону, пораженный богатством дома, в который приехал. Я никогда не обращала внимания на то,

что окружало меня. Я принимала это как должное и, пока не вышла замуж и не лишилась всей этой роскоши, вряд ли понимала, что росла в исключительных условиях. Видите ли, мой отец, что называется, «собиратель». Он покупает все, что считается уникальными произведениями искусства, не потому, что ценит это искусство, но просто потому, что ему нравится чувство обладания. Он, наверное, хотел бы владеть всем, если бы это было возможно, особенно красивыми вещами. Я чувствовала, что я часть его коллекции *objets d'art*¹, и он собирался оставить меня себе, чтобы другие не смогли наслаждаться его собственностью.

Мамино лицо залилось краской, и она смотрела куда-то вдаль, видимо, назад, в тот удивительный день, когда ее молодой дядя ворвался в ее жизнь, чтобы произвести в ней такие изменения.

– Ваш отец приехал тогда к нам такой невинный, такой чувствительный и доверчивый, знающий только настоящую привязанность, истинную любовь и – бедность. Из четырехкомнатного коттеджа он приехал в огромный, величественный дом, ослепивший его своим великолепием и вселивший новые надежды. Он думал, что повстречал миг удачи и попал в настоящий рай на земле. На моих отца и мать он смотрел с нескрываемой благодарностью. Боже, мне до сих пор больно и жалко вспоминать его благодарность. Половина всего, на что он смотрел с таким восхищением, должна была по всем правилам принадлежать ему. Мои родители сделали все, чтобы он чувствовал себя бедным родственником. Я увидела, как он стоит, освещенный бьющими в окно косыми лучами солнца, и остановилась посреди лестницы, не в силах ступить дальше. Его золотые волосы были окружены серебристым сиянием. Он был красивым – не просто симпатичным, а именно красивым, надеюсь, вы понимаете, что это разные вещи. Он обладал настоящей красотой, которая излучалась изнутри. Наверное, он услышал мои шаги, потому что поднял голову, и его голубые глаза засияли: о, я помню, как они засияли, а потом, когда нас представили, его взгляд потух. Так же как и я, он был разочарован, узнав, что я его племянница. Потому что в тот самый день, когда мы обменялись взглядами, он – стоя в холле, а я – на лестнице, в наших сердцах затеплился огонек, который все разрастался и разрастался до тех пор, пока мы уже были не в состоянии скрывать его.

Увидев, что Крис смущенно прячет лицо, а я беспокойно ерзаю, мама сказала:

– Я не буду заставлять вас выслушивать историю нашей любви. Просто скажу, что это была любовь с первого взгляда. Так иногда происходит. Может быть, он был готов влюбиться, как и я, и судьба распорядилась так, что мы встретились, а может быть, нам обоим не хватало тепла и внимания. Моих старших братьев тогда уже не было – они погибли от несчастных случаев; и у меня было очень мало друзей, потому что никто не был «достаточно хорош» для дочери Малькольма Фоксворта. Я была его наградой, его радостью; если он и рассчитывал отдать меня какому-нибудь мужчине, то за очень, очень добрую цену. Поэтому мы с вашим отцом тайком встречались в саду и часами сидели, просто разговаривая, иногда качаясь на качелях вместе или по очереди, толкая друг друга. Стоя на взлетающей все выше и выше доске, мы забывали о времени и окружающем нас мире. Он рассказывал мне все свои секреты, а я ему – свои. Вскоре как-то само собой получилось, что мы признались друг другу в любви, и, правильно это было или нет, мы поняли, что должны пожениться. И мы должны были бежать из этого дома, вырваться из-под власти моих родителей, пока они не превратили нас в себе подобных, потому что именно эту цель они преследовали, принимая вашего отца и пытаясь изменить его, чтобы искупить то зло, которое, в их понимании, совершила его мать, вступив в брак с человеком намного старше себя. Они действительно дали ему все. Они относились к нему как к собственному сыну, потому что он в какой-то мере заменял им двух погибших сыновей. Они послали его учиться в Йель, и он добился отличных результатов. Ты именно от него унаследовал свой ум,

¹ Предмет искусства (*фр.*).

Кристофер. Он закончил университет за три года, но не мог использовать свою степень магистра, потому что на дипломе значилась его настоящая фамилия, а мы должны были скрывать ее. Первые годы совместной жизни были особенно трудными для нас, потому что он не мог использовать свое высшее образование.

Она замолчала и задумчиво посмотрела на нас с Крисом. Поцеловав светлые макушки близнецов, она озабоченно нахмурилась.

– Кэти, Кристофер, от вас я жду понимания. Близнецы слишком маленькие. Вы пытаетесь понять меня?

– Да, да, – закивали мы одновременно.

Она говорила на понятном мне языке, языке музыки и балета, романтической любви, прекрасных лиц и живописных ландшафтов. Кто сказал, что такое бывает лишь в сказках?

Любовь с первого взгляда. О, это должно произойти и со мной, я просто знала, что это случится и он будет таким же красивым, как папа, излучающим красоту и волнующим мое сердце. Человек должен влюбляться – иначе он увянет и умрет.

– Теперь слушайте внимательно, – сказала она тихо, стараясь придать своим словам больше весомости. – Я должна сделать все от меня зависящее, чтобы снова понравиться отцу и чтобы он простил меня за то, что я вышла замуж за его единокровного брата. Как только мне исполнилось восемнадцать лет, мы с вашим отцом сбежали, а через две недели вернулись и рассказали все родителям. С отцом чуть не случился удар. В ярости он изгнал нас обоих из дома и заявил, что больше не хочет нас видеть. И поэтому я и ваш отец, мы оба лишились наследства. Я полагаю, он собирался оставить ему некоторую сумму. Основная часть должна была остаться мне, ведь у моей матери тоже есть состояние, независимое от отцовского. Вообще, надо сказать, что отец женился на ней в основном именно из-за денег, хотя в молодости она была, что называется, интересной женщиной, не то чтобы красавицей, но в ней было какое-то властное, царственное благородство.

«Нет, – с горечью подумала я, – эта женщина родилась безобразной!»

– Итак, я собираюсь приложить все усилия, чтобы снова понравиться отцу и убедить его простить мой побег и замужество. А чтобы сделать это, я намерена играть роль послушной, смиренной, наставленной на путь истинный дочери. Иногда человек слишком вживается в роль, которую он играет, и поэтому, пока я еще остаюсь самой собой, я хочу все вам объяснить, по возможности честно. Сразу признаюсь, что я не отличаюсь ни сильной волей, ни особой независимостью. Я была сильной, только когда за мной стоял ваш отец, но теперь его нет. Внизу, на первом этаже, в маленькой комнате за гигантской библиотекой, живет человек, подобных которому вы никогда не встречали. Вы видели мою мать и теперь более или менее понимаете, что она из себя представляет, но отца вы еще не видели. И я не хочу, чтобы это произошло, пока он не простит меня и не признает факт, что у меня четверо детей, отцом которых является его единокровный брат, намного младше его самого. Ему будет трудно воспринять это. Но я не думаю, что ему будет слишком трудно простить меня, потому что ваш отец мертв, а на мертвых нельзя держать зла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.